

Тот, кто заберет твоё время

Начало

16+

Яна Сибирь

Яна Сибирь Тот, кто заберет твое время. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55168059

SelfPub; 2020

Аннотация

История каждого человека – особенная. Это правда. Про любого из вас можно написать книгу и кому-нибудь она обязательно покажется интересной. Но, что если кто-то не хочет дописывать свою историю. Что, если в одном загадочном поезде встречаются пять подростков – братья Шах и Мат, Эрнест, Соня и Люси, которые решили распорядиться своим временем не так, как было задумано изначально.

От Распорядителя.

Здравствуйте!

Это первое, что я хочу сказать всем тем, к кому попала в руки эта история. Возможно, вы обыкновенные люди, а может быть вы волшебные существа – это не столь важно. Главное для меня состоит в том, чтобы вы как можно яснее, как можно правильное поняли всю цену времени. А оно очень дорогое! Уж, можете мне поверить. Я в этом хорошо разбираюсь.

Теперь, скорее всего, подошёл тот момент, когда автору столь банальных и привычных для вашего слуха строк, надлежит представиться. Моё имя – Элджер Фуллертон. Сейчас меня зовут именно так, а совсем недавно, по моим меркам, меня звали иначе. Но, вам не следует думать об этом, ведь множество моих имён ещё никому не удавалось запомнить, так как живу я уже очень-очень давно.

Я – Распорядитель. Я распоряжаюсь человеческим временем и временем других существ, а точнее, я решаю, отнять его или прибавить.

За своё долгое существование я видел много разных людей. Каждый из них светился своим светом или черней в своей тьме. Очень многие, желая того или нет, тратили своё время не так, как хотели на самом деле или не так, как было нужно. И многие упрекали в этом Высшие силы; правителей; непутёвых родителей или бестолковых детей; друга, который предал; брата, который обманул. Иногда винули сосе-

да, с которым не сложились отношения либо маленьких или больших засранцев, которые не дают нормально жить в юности. Собаку, которая когда-то убежала или покусала. А ещё, погоду, которая никогда не бывает хорошей и так далее. Но, никто никогда не упрекал самого себя.

В каждом веке жизнь всё быстрее и быстрее набирает обороты и люди вынуждены следовать за ней. А точнее – догонять. Огромное количество людей, проживших жизнь, даже не заметили, что жили. И это печально. Но, есть отдельная категория людей – они сами отдают мне своё время и я обязан его забрать. Это их выбор. Они так решили.

Про таких людей, я, находясь в глубоком унынии, написал несколько строк.

Таких людей я вижу сразу.

Я отыщу таких в любой толпе.

По дикому и вдруг тоскующему взгляду,

По непонятному, блуждающему шуму в голове.

По сердцу, что внутри тихонько стонет.

По злобе, той которую не передать.

Сами себе помочь они не могут,

А рядом, как всегда, лишь только тишь да гладь.

Зачастую – это очень одинокие, скрытные люди. Хотя и в волшебном мире действуют те же законы. Там тоже есть одинокие. Вот именно они и придумали для себя то, что одиночество – это лёгкий путь в рай.

Но к их огромному сожалению, всё это не так. Наверно,

вы удивитесь, узнав, что даже я не до конца одинок. У меня есть друг, но необычный друг. Это Анзуд. Огромный орёл с львиной головой. Он оживает и появляется передо мной, когда он нужен, а до тех пор, Анзуд восседает в виде маленькой золотой статуэтки на моих старых песочных часах.

Часы стоят на большом дубовом столе, на котором находится ещё много интересных вещей, о которых я расскажу позже. Ещё там есть два стула, всего два. Один для меня, другой для того кто явился ко мне. Окон нет. Свет здесь дают свечи. Их так много, что подобное количество можно увидеть разве что во сне. На стенах висят разнообразные картины, некоторые из которых написаны моей рукой, некоторые, рукой моего подопечного – Франциска.

Пол сделан из зелёного хрусталя и когда кто-нибудь идёт по нему, он трескается, совсем как лёд. Многих это поначалу пугает, но после моих убедительных слов о том, что мы никуда не провалимся, и умирать они будут не здесь – все почему-то моментально успокаиваются.

В нескольких метрах от моего стола, оперевшись о стену и, как будто трясясь от старости, стоит большой шкаф для книг, карт и разного рода документации.

На столе всегда лежит открытой только одна книга. Она довольно внушительного размера, хотя надо учесть, что в моём шкафу нет маленьких книг. В неё я записываю всех своих посетителей.

Ещё тут есть музыкальная шкатулка, которая играет ме-

лодии под настроение. Есть перо и чернила, меняющие цвет. Подсвечник для пяти свечей, по которому ползают металлические ящерицы, почти как живые и ещё кое-что. Об этом пока промолчу.

В общем, всё сие великолепие находится в Древнем Зале Прощений. Попасть сюда вы можете только во сне. Я не скажу, что это самое весёлое и приятное место, но многие, попавшие сюда, почему-то мне кажутся счастливыми. Может, потому что они очень долго этого хотели. Думаю, вам знакомо чувство осуществлённой мечты.

В моём Зале все просят о времени. Кто-то просит его добавить, а кто-то отдаёт ненужное. Любые просьбы, прозвучавшие здесь я не в силах оставить без внимания. Именно поэтому все мои чувства давно оттеснила холодная сдержанность. И честно признаться – я этому рад.

Находиться в этом Зале постоянно, было бы для меня слишком неудобно, так же как и вам жить и работать в одном и том же помещении. Так что я обзавёлся домиком в горах, рядом с рекой и лесом. Этакое чудесное место на земле. Я появляюсь там, лишь стоит мне закрыть глаза. Я могу быть где угодно и когда угодно, но только в том доме я чувствую покой. Наверняка, вы тоже испытывали подобное чувство. Сидя возле старого каменного камина, в уютном кресле-качалке с мохнатым пледом на коленях, да ещё с хорошей книгой в руках – не это ли покой.

Но, нет такого покоя, который нельзя нарушить. И, здесь

даже я не исключение. Хотя, чего лукавить – я давным-давно ко всему привык.

В небольшом промежутке, между камином и окном, на стене висит колокольчик. С виду самый бесхитростный предмет, но есть в нём кое-что необычное. Он не будет звенеть ни в чьих руках. Он издаёт свой мелодичный звук лишь тогда, когда кто-то попадает в Древний Зал. Я слышу этот звук везде, где бы я ни находился.

И вот тогда я закрываю глаза и мгновенно появляюсь в Зале, напротив своего гостя. Я предлагаю ему присесть. Раздаётся звук отодвигающихся стульев, позже, к этому шуму прибавляются все остальные звуки. Гость изучает всё вокруг, а в особенности мой хрустальный пол. Тихо топая по нему и любуясь тем, что сначала пол трескается, а потом все трещинки исчезают, гость или гостья приходят в восторг. Этот фокус нравится всем, кто имел случай попасть сюда.

Я всегда даю время на осмотр Зала, а потом беру в руку перо и начинаю записывать, кто ко мне пришёл и зачем. Меня очень радует, когда этот процесс занимает не больше пяти минут.

Ну, вот! К моему огромному сожалению, я вынужден отвлечься. Звонит мой колокольчик. Мне придётся покинуть вас на некоторое время, но потом, возможно я расскажу вам об этой встрече. Хотя, может вам стоит пойти со мной? Знаете, у людей существует пословица «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Возможно, это именно тот случай.

Хотите со мной? Тогда закрывайте глаза.

Одна секунда и вот мы здесь, в Древнем Зале Прощений. Теперь у вас есть около шести секунд, чтобы ознакомиться с обстановкой. Вы можете даже пощупать то, что вам понравится, но только не руками, а взглядом. Я не терплю, когда кто-то трогает мои вещи.

Если вы уже закончили, то рекомендую присмотреться вон к той фигуре, которая с осторожностью выходит на свет. Фигура мелковата, возможно, это кто-то из волшебного мира или... Да, так я и думал! Это человек. Ребёнок.

Как только этот ребёнок полностью выйдет из темноты, мы сможем разглядеть его получше. Любопытно, зачем он здесь? Мне остаётся только надеяться, что он здесь не для того, о чём я подумал.

Прошло ещё четыре секунды и вот мы с вами видим девочку. С виду она довольно опрятная, со слегка грустными глазами и чуть нервной улыбкой. Могу сказать вам с уверенностью – она не знает, куда попала, а это значит, что нам необходимо представиться.

– Здравствуйте! Меня зовут мистер Фуллертон. Не угодно ли присесть?

Обратите внимание на этот беглый, бесцельный взгляд, на руки в карманах, а особенно, на зубы, которые впились в нижнюю губу, из которой того и гляди польётся кровь.

Придётся дать ей ещё пару минут и если девочка исчезнет, значит, она передумала, и мы сможем вернуться в мой дом

и продолжить наше знакомство.

– Где я?

Видимо, с домом придётся повременить.

– Ты во сне.

– А где именно, во сне?

– Это Древний Зал Прошений. Сюда попадают те, кто хочет попросить о времени или отдать его.

– Хорошее место.

– Это только первое впечатление, которое, кстати, не всегда бывает правильным. Ну, а теперь, если ты всё же хочешь продолжить разговор, то нам обоим будет гораздо удобнее продолжать его сидя.

Вы это видите? Она уже более уверенно садится на предложенное место. Взгляд её становится ясным, но всё в ней меняется буквально за считанные секунды. Стоило мне только отвернуться, чтобы повесить своё пальто и положить на тумбу цилиндр, как повернувшись, я снова вижу беззащитного ребёнка, который беспокойно ёрзает на стуле. Не люблю таких гостей.

– Можешь сказать мне своё имя?

– Соня.

– Прекрасное человеческое имя. Так, что привело тебя ко мне, Соня?

Я знал, как её зовут ещё до того, как она вышла из темноты, а спросил лишь для того, чтобы разговорить её. В моём Зале для меня нет тайн и скрыть здесь ничего нельзя. Я уже

знал, зачем она предстала предо мной, и был слегка разочарован, что она не исчезла сразу. Но, давайте посмотрим, что будет дальше.

– Не молчи. Я должен записать.

– Я хочу отдать вам своё время.

– Отдать мне своё время? Тебе всего четырнадцать лет! Обычно я не такой добрый, но предлагаю тебе ещё раз подумать. Серьёзно подумать. Не торопясь. Знаешь, такие решения принимаются единожды.

– Откуда вы знаете, что мне четырнадцать?

– Я много чего знаю.

– Тогда вы можете сказать мне, сколько лет я проживу, если сейчас уйду отсюда?

– Знать и иметь возможность сказать – две совершенно разные вещи. Это, во-первых.

– А во-вторых?

– Семьдесят шесть лет.

– Я проживу семьдесят шесть лет!? Да, на хрена мне столько? Ещё шестьдесят два года возиться в этой грязи и скуке. Не знаю, как тут у вас, а там, у нас, каждый день пугающе одинаковый и чудовищно торопливый. Люди перепрыгивают с одного на другое, даже не задумываясь, нужно ли им это. Каждый бьётся в своём лихорадочном припадке. Поговорить и то не с кем! Родители слушают нас в пол уха и то, только для того, чтобы поставить себе мысленно звёздочку, вроде как – разговор состоялся! А школа – это вообще от-

дельный ад! Там, знаете ли, не каждому легко, так как....

– Я всё понял! Теперь послушай меня. Я не твой родитель, родственник или друг. Я не священник и не психолог, коих на земле предостаточно и ты легко могла бы обратиться к кому-то из них со всей этой болтовнёй. Моё дело – решить, что сделать с твоим временем. Остальное меня не касается.

– Ясно. Тогда можете забрать моё время.

– Сколько?

– Всё.

– Всё? Спрошу последний раз – ты уверена в своём решении?

– Да. Надо что-нибудь подписать?

– Нет. Мы закончили. Сейчас я хлопну в ладоши, и все свечи погаснут, а ты проснёшься в своей постели.

Хлоп.

Не волнуйтесь! Через секунду свечи вновь загорятся. Всё вокруг замерцает и по стенам снова побегут таинственные тени. Вам наверно показалось, что я был чересчур строг с этим ребёнком. Может быть. Но, жалеть, наставлять, уговаривать и помогать ей, должен был кто-то, более близкий, нежели Я.

Не стоит обижаться или злиться на меня. Если бы вы занимались этим из века в век, тоже привыкли бы к таким моментам. Самое страшное, что в этом Зале были люди ещё моложе, чем эта девочка.

Знаете что, давайте сделаем проще. Сейчас я оживлю сво-

его друга Анзуда и он, как посредник между мной и другими всевозможными существами, расскажет мне тихонько обо всех сегодняшних посетителях. Если после этого я разрешу вам остаться, значит, ничего душещипательного вас не ждёт, а если попрошу уйти, значит, вы уйдёте.

Давайте разбудим моего товарища. Для этого надо медленно погладить ему любое крыло, и он одним прыжком с этих часов превратиться из милой статуэтки, в одного из самых загадочных существ, из всех знакомых мне миров. Начнём.

Ну, вот, теперь вы верите мне. Он великолепен!

– Приветствую тебя мой друг! Я вызвал тебя не случайно.

– И я приветствую тебя, Элджер! Чем я могу помочь тебе в этот раз?

– Ты уже знаешь моих сегодняшних посетителей?

– Да. И с уверенностью могу сказать, что тебе это не понравится.

– Здесь будут ещё дети. Я прав?

– Да.

– Сколько?

– Если в самое ближайшее время ничего не изменится, то ещё четверо.

– Спасибо, друг мой. Теперь лети и не забудь выполнить мои поручения.

– Хорошо. Если понадобится – просто позови.

– Ну, давай уже! Хочу, чтобы гости увидели, как ты исче-

заешь в этой золотой пыли. Зрелище просто волшебное!

Вот! Раз, два и его уже нет.

Красивое существо – правда, абсолютно бессердечное. Хотя, думаю, с моей стороны будет не очень вежливо обсуждать друга за его спиной. Так что не будем о нём. Будем обо мне.

Я обыкновенный старик. У меня свои причуды и свои взгляды на это существование. Может быть, вы не поверите, но у меня больше правил, чем требуется и это, безусловно, многих раздражает. Вот только мне нет до них никакого дела. Тут главный Я.

Подозреваю, что для первого знакомства я достаточно рассказал вам и о себе и о Древнем Зале Прошений. Теперь, у вас больше нет необходимости оставаться здесь, со мной. Остальных просителей я встречу сам, а вам пора закрывать глаза и отправляться по домам. Но, если вам всё-таки захочется узнать всю историю целиком, то я попрошу своего друга рассказать вам её. Сам я не имею такой возможности, так как дел моих никто не отменял.

Давайте сделаем так. Сейчас мы с вами расстанемся, а обо всём, что будет происходить дальше, вам расскажет Анзуд. Согласны?

Мы с вами ещё обязательно встретимся на этих страницах, но уже в самом конце.

С уважением

Мистер Элджер Фуллертон.

Часть первая

Обыкновенная станция

Глава 1

Начиналась интересная пора. Все хотели и не хотели её одинаково – это ноябрь. Близость праздников заставляла людей радоваться, а постоянные морозы и серость пейзажа отбивали желание жить. Вот так люди и жили – довольные и недовольные одновременно. И так было всегда. Год за годом.

В одном городе, на одной станции железнодорожного вокзала стояла девочка и смотрела на поезда. В её глазах не было ничего. Ни грусти, ни печали, ни радости, ни интереса. Так бывает. Складывалось ощущение, что она просто шла-шла и остановилась. Поезда приходили и уходили, а она просто стояла. Если бы сейчас к ней подошёл человек с любым предложением – она бы его приняла.

И такой человек здесь был. Ну, почти человек. Он стоял около телефонной будки и смотрел на нее, не отводя взгляда. Он стоял тут не первый раз и не первый раз обращал своё внимание на определённых людей. И, таких людей как она, он видел неоднократно. Девочка стояла с таким безразличным видом, но он, казалось, знал всё, что творилось у неё в голове.

Мягкой, спокойной поступью мистер Фуллертон (тот самый мистер Фуллертон), приблизился к девочке. Она лени-

во посмотрела на него и отвернулась. Ей был не интересен этот старик. Но, вдруг в одно мгновение все изменилось. Она его узнала.

– Это вы? Вы мистер.... Как вас там? Я видела вас во сне, – проговорила девочка на одном дыхании, а потом как-то неуклюже улыбнулась.

– Мистер Фуллертон – это мое имя. Твое имя Соня. И мы, правда, с тобой уже встречались, но сейчас это совсем не важно. В данный момент, я здесь для того, чтобы выполнить твою просьбу. Ты помнишь, что ты попросила у меня во сне?

– Да! Конечно, да! Я хотела, чтобы вы забрали моё лишнее время. – Соня говорила быстро. Может потому что на улице стояла довольно неприятная погода. Сильный ветер гонял снег из стороны в сторону, ударяя его об лица прохожих. Те, в свою очередь, щурились и предпочитали вовсе не открывать глаз, закрывать лица руками и медленно передвигаться на ощупь.

– Лишнее? – Мистер Фуллертон всегда удивлялся, когда про время говорили – лишнее! Но, он не стал показывать своего раздражения. Не тот был момент. – Так ты по-прежнему хочешь этого?

– Да, хочу. Знаете, так странно видеть вас здесь. Вы точно настоящий? Кстати, не очень-то вы вписываетесь в наш мир в своем чересчур черном пальто и уж тем более, в этом старомодном цилиндре. А, трость вам зачем? Вы прям персонаж из классических романов!

– Любите классику, мадам?

– Думаю, да. Сейчас мало что интересного пишут. Чепуха в основном. – Соня поправила шарф, который обматывал всё – голову, половину лица, шею и даже немного закрывал спину.

– Ну, так сама бы что-нибудь написала. Всё-то вы ждете чудо от других. – Мистер Фуллертон поправил цилиндр и поднял ворот пальто. Ветер становился невыносимым.

Обычно мистер Фуллертон не тратил столько времени на разговоры. Он, в принципе, был не особо любезен. Может и у него в это утро что-то пошло не так и поэтому, сегодня он был не много другим. Ему уже хотелось закончить разговор и уйти, но что-то не давало ему этого сделать. Возможно, он ждал чего-то от девочки? Может он хотел, чтобы она передумала? Ясно лишь то, что сегодня у мистера Фуллертона был явно неприятный день.

Наверно, они бы стояли так еще очень долго, но, мистер Фуллертон дорожил своим временем куда больше, чем Соня, поэтому он стряхнул с себя снег и, посмотрев на почти окоченевшую девочку, сказал:

– Мне не отменить твоего решения и не пройти мимо него. Свобода выбора, знаете ли. Так что, если ты всё же решила расстаться со своим временем, то тебе нужно всего, лишь сесть вон в тот «чересчур» черный поезд. Там твоя жизнь пролетит в одно мгновение. Так как ты и хотела.

Соня посмотрела на старика с недоверием. В голове вечно

страдающего и недовольного жизнью подростка, слова мистера Фуллертонa больше смахивали на издевательство или на насмешку, нежели на правду. Девчонка стала топтаться на одном месте, делая вид, что обдумывает слова старика, но на самом деле, она ни на минуту ему не поверила. Скорее, она стала предполагать, что возможно, она просто спятила и все это, плод её больного воображения.

Мистер Фуллертон был готов к такому повороту событий. Ему было совершенно не нужно, чтобы девочка села в поезд, не осознавая, что это реальность. Тем более, это было нужно ей, а не ему, так что, здесь оба должны знать, что делают.

С другими пассажирами поезда у мистера Фуллертонa всё происходило намного быстрее. Может потому что он не чувствовал в них такой неуверенности, а может, потому что встретив столько гостей и проводив их в поезд, сейчас он хотел другой финал? Нет. Он был абсолютно безразличен к чужим финалам, к чужим судьбам, к чужим историям и вообще ко всему чужому. В данный момент ему просто хотелось поскорее закончить работу и вернуться домой. Чуть-чуть помедлив, мистер Фуллертон решил, что пора подойти к делу более серьёзно.

Он не спеша наклонился к Сони и стал что-то искать в её глазах. Она немного испугалась и хотела отступить назад, но не могла. Взгляд этого старца велел ей не двигаться и она, молча, согласилась.

– Ты хочешь сесть в этот поезд? – шепотом спросил ми-

стер Фуллертон.

– Да, – так же тихо ответила Соня.

– Тогда идём.

И они пошли. До поезда было всего несколько метров, и они хотели пройти их побыстрее. У каждого были на это свои причины. Мистер Фуллертон был до конца разочарован сегодняшним днём и был полностью уверен, что больше он не принесет ему ничего хорошего. А, вот Соня, кажется, вздохнула с облегчением. С каждым шагом она двигалась все смелее и твёрже, и снег все громче и громче хрустел под её ногами. Она как будто шла к своей мечте, легко и непринужденно.

Никто не обращал своего внимание на две, почти засыпанные снегом фигуры. Для всех остальных людей это были просто движущиеся блики или отбежавшие от кого-то тени, не более того. Здесь все были заняты лишь своим существованием.

По мере приближения к поезду, мистер Фуллертон почувствовал, что девчонка хочет еще о чём-то его спросить. Он с легкостью мог бы отмахнуться от этого или не придавать этому значения, как собственно и поступают многие люди, но он был не таким. Законченность во всем – вот то, что по-настоящему ценил мистер Фуллертон. Всякого рода недосказанность, утайки, враньё, наговоры, шепот за спиной, он ненавидел.

– Спрашивай.

– Что? – Соня сделала вид, что не понимает, о чём идет речь.

– Я знаю, что ты хочешь задать мне вопрос и дам тебе на это ровно десять секунд.

– Но, я совсем не хотела...

– Время пошло, – как можно спокойнее сказал мистер Фуллертон и его уже уставший, но по-прежнему строгий взгляд остановился на лице Сони.

То, что происходило на улице, совсем не располагало к беседе. Но так как загадочному старику была необходима законченность всего, он сделал несколько плавных движений кистью руки, призывая девочку всё же начать поскорее. Сам-то он плохо чувствовал погоду, видимо потому что не имел отношение к этому миру, а вот Соня прекрасно ощущала тот лютый холод, который полностью сковал её тело.

– Пять, четыре, три...

– Хорошо.... Ну, хорошо, я спрошу! – быстро начала Соня. – И, это всё? То есть это что – конец? Сейчас я залезу в этот вагон, и меня вот так просто не станет? Или этот поезд повезёт меня куда-то? Если да, то куда? Он едет в рай или в ад? Стоит ли мне бояться или лучше расслабиться и ни о чем не думать?

– Тебе стоит уйти отсюда и попробовать прожить свою жизнь как можно дольше и как можно счастливее.

– Я не уйду! – сказала Соня, слегка прикрикнув, для того, чтобы придать своим словам больше решимости.

– Тогда зачем все эти вопросы? Если ты хочешь сесть в этот поезд, тогда иди и садись, – сказал мистер Фуллертон, уже не глядя на девочку. – И этот поезд повезёт тебя, но ни куда-то, а туда, куда нужно.

– Я так и думала. Знаете, если вам интересно, то я всегда знала, что моё время, моё «бесценное» время, как вы утверждаете, закончится именно так. Как-то коряво, не красиво. Без шика и без величия.

Соня говорила громко, пытаясь перекрыть все звуки вокруг. Она не знала, что это совершенно без надобности и для того, чтобы мистер Фуллертон её услышал, ей можно было просто подумать об этом. Ведь он прекрасно умел читать мысли в любой голове и то, что он читал сейчас в голове этой девчонки, ему не нравилось. Впрочем, как и все в этом мире – в мире людей.

На волне своего раздражения мистер Фуллертон решил не оставлять без внимания мысли Сони и поэтому посчитал необходимым высказаться, в принятой ему манере.

– Фантастическая глупость живет в той голове, которая думает, что ценнее всего на белом свете только их жизнь. Эту ошибку совершают практически все. Относясь снисходительно ко всему живому, вы как будто делаете одолжение, например, бросив собаке кусок хлеба или покрошив краюху голубям. Вы это сделали! И самое плохое то, что вас это не беспокоит. Вы не оглянетесь на брошенного котенка или подбитую птицу. Вы с уверенностью скажите, что вам нечем

помочь. Может быть это и намного ближе к истине, чем я думаю, но ведь не у всех. Многие люди в состоянии поделиться хоть чем-нибудь, хоть с кем-нибудь, но проще не замечать! В мире волшебном все совсем не так. Думаешь им там проще? Нет. Не проще, не легче, не веселей. Такая же жизнь.

– В мире волшебном? А, что такой есть? – с недоумением спросила Соня.

– Я не закончил, – как можно резче ответил мистер Фуллертон. – Так вот, теперь скажи мне, милое создание, о каком величии ты говоришь, если всё что вы видите – это только самих себя!

В его словах было столько гнева, что теперь Соня перестала воспринимать его, как доброго, загадочного старика. В эту самую минуту, глядя на лицо мистера Фуллертона, со сдвинутыми бровями, подрагивающими губами и непонятным блеском в глазах, она поняла, что вряд ли рискнула бы злить этого человека намеренно.

Но, мистер Фуллертон совершенно не хотел напугать девочку, он просто пытался объяснить ей, но видимо, перестарался. Надо отметить, что в его характере, безусловно, присутствовали положительные черты. Только не всем удавалось их разглядеть. Для того, чтобы привести девочку в чувства, которая молча, стояла и смотрела на него во все глаза, мистер Фуллертон решил продолжить. Только уже спокойнее.

– Посмотри вон на ту женщину, на ту, что стоит возле две-

рей, с тележкой. Она каждый день торгует здесь горячими пирожками. Видишь?

Соня кивнула. Сквозь пелену снега, который уже валился с неба, как мука, она сумела разглядеть женщину. Та уже порядком замерзла и видимо потому, была явно не в духе. Она суетливо топала ногами и били себя руками по телу, для того, чтобы хоть как-то согреться. Только мистер Фуллертон жалел не эту женщину, а голубей, которые перебирая малюсенькими лапками, толпились возле тележки. Натыкаясь друг на друга, в спешке, они пытались отыскать на снегу те небольшие крошки, которые оставляли покупатели. Голуби торопились, ведь еды и так было мало, а ту, что была, быстро засыпал снег. Женщина тоже вносила свою лепту и без того в трудную жизнь птиц. Она часто махала руками, кричала на них, что они надоели ей ещё больше, чем эта проклятая зима.

– Никогда я не видел, чтобы она бросила птицам хотя бы кусочек. Хотя сама она ест и довольно часто. – Мистер Фуллертон улыбнулся, но только на секунду. Эта мимолетная улыбка была не радостной, а скорее, ироничной.

Соня всё поняла. Девочка она была не глупая, а что еще важнее, совсем не жадная. Она вдруг вспомнила, что последний раз кормила голубей еще в детстве, в парке, вместе с родителями и ей захотелось исправить это.

– Подождите меня здесь. Я мигом. – Соня повернулась и быстро-быстро зашагала в сторону той самой дамы с тележ-

кой.

Мистер Фуллертон не стал её останавливать. Он знал, что вдруг захотелось сделать Сони, и полностью одобрял этот порыв. Внезапно, в его голове пронеслась мысль о том, что возможно еще не всё потеряно для этой девчушки, и она сможет уговорить себя остаться здесь. На удачу, конечно, он не рассчитывал, а вот на чудо, очень даже может быть.

Пока мистер Фуллертон вёл бесшумный разговор с самим собой, Соня уже дошла до тележки. Почти замороженными руками она стала доставать мелочь из карманов и протягивать продавщице. Та, в свою очередь, небрежно подала девочке два пирожка и спешно спрятала руки в огромные рукавицы.

Несколько секунд Соня погрела озябшие пальцы об горячие пирожки, а потом начала торопливо крошить их на мелкие кусочки и бросать голубям. Птицы стремительно налетели на угощения, а продавщица, следившая за происходящим, почему-то недовольно хмыкнула.

Зато мистер Фуллертон был доволен. Он подал знак рукой, как бы подзывая Соню к себе. Девочка быстро отреагировала и, бросив последний кусочек на снег, пошла в сторону поезда, который ждал её уже довольно продолжительное время.

Там же стоял и порядком измотанный мистер Фуллертон, которого почти целиком засыпало снегом. Только для него это была не проблема. Одним прикосновением трости к сво-

ему ботинку, он заставил снег растаять и тот, как будто обиженный на грозного старика, вовсе перестал на него падать.

Соня была поражена таким фокусом. Она уже открыла рот, чтобы начать задавать вопросы, но по взгляду мистера Фуллертонa быстро поняла, что делать этого не нужно. Тот одобрително кивнул и махнул рукой в сторону одного из вагонов.

– Тебе пора.

– Да. Я готова, – сказала Соня, пытаясь казаться уверенной и спокойной.

– Тогда иди.

– Может, будут какие-то советы в дорогу или указания? – с улыбкой на лице спросила Соня.

– Нет. Всё что будет дальше, меня уже не касается. Я свою работу сделал, – тихо ответил мистер Фуллертон.

Соня решила, что нет больше смысла тянуть время и молча пошла к ожидавшему её поезду. Как только она поставила обе ноги на первую ступеньку своего вагона, ей почему-то захотелось оглянуться и ещё раз посмотреть на снег, на голубей и на людей, которые её даже не замечали.

– До свидания, мистер Фуллертон, – крикнула девочка, стоя в вагоне.

– Прощай, Соня, – ответил он и помахал рукой.

Всего пара секунд и девочка скрылась в вагоне. И снова никто не обратил на это внимание, а мистер Фуллертон, постояв ещё секунды четыре, тоже поспешил удалиться. Он

хоть и сохранял спокойствие и рассудительность, а главное, хладнокровие, но такие проводы были противны ему до глубины души.

– А ведь я мог стать кем угодно, в свое время, – бурчал Элджер себе под нос, неторопливо покидая вокзал. – Эх! Судьба!

Глава 2

– Мистер Фуллертон! Мистер Фуллертон! – тетушка Фанни бежала со всей отведенной ей Богом скоростью и кричала во весь данный ей природой голос. – Мистер Фуллертон, да остановитесь же, наконец!

Никто не мог отказать тетушке Фанни. Сама мысль об этом не посещала даже самые мудрые головы. Возражать этой женщине было бесполезно, а главное – глупо и мистер Фуллертон прекрасно об этом знал. Все что ему оставалось, так это остановиться и выслушать тетушку Фанни от начала и до конца.

– Мистер Фуллертон, что же это происходит? – громко и с возмущением спросила она. – До каких пор это будет продолжаться? Неужели вы не можете ничего сделать?

– Не могу, – сухо ответил мистер Фуллертон. – И вы осведомлены об этом лучше других.

– Но, это же дети! – с дрожью в голосе сказала тетушка Фанни. – У меня же почти полный поезд детей! Как это произошло?

У мистера Фуллертона была еще одна характерно выраженная черта характера – он не любил отвечать на вопросы. Об этом знали все, кто так или иначе поддерживал отношения с этим стариком, но только тетушка Фанни позволяла себе спрашивать столь непростительно много.

Элджер Фуллертон по сути своей был почти джентльменом и не мог разрешить себе обидеть женщину. Теперь, когда он понял, что ему не удастся быстро покинуть вокзал, он заключил, что лучше удовлетворить любопытство тетушки Фанни и немного успокоить её.

– Вам стоит поберечь свои нервы, дорогуша. Вы ведь, практически сердце этого поезда и без вас нам не справиться, – деликатно начал мистер Фуллертон. – Я знал, что вам это не понравится, но что я могу? На вашей памяти уже были подобные поезда, и я надеялся, что вы к этому уже привыкли.

– К этому невозможно привыкнуть, – с неподдельной грустью отозвалась тетушка Фанни и глаза её слегка заслезились.

Мистер Фуллертон положил свою руку ей на плечо и вполголоса произнес:

– Не надо.... Не сейчас.

На самом же деле, он хотел сказать ей что-то вроде того, что она плохо старается. Что при таком обилии времени, проведенном с множеством разных людей, привыкнуть можно было ко всему. Но, не стал. Сентиментальность была

чужда ему, а не ей.

– Мне разместить их как обычно, сэр? – взяв себя в руки, спросила тетушка Фанни.

– Думаю, да. Практика показывает, что это лучший вариант, так что не будем ничего менять и выдумывать. – Мистер Фуллертон убрал руку с плеча тетушки Фанни, развернулся и поспешил покинуть вокзал. Она решила сделать то же самое, что и он.

На самом деле Элджер ни сколько не преувеличил, назвав тетушку Фанни сердцем поезда. Ведь благодаря её чуткому руководству, все там работало, как часы и даже лучше. Конечно, она любила покомандовать, не без этого, но ведь и обязанность была не из легких. Все нужно было держать под контролем, начиная от размещения пассажиров до составления меню.

Сама тетушка Фанни была женщиной в теле, с цветным платком, красиво замотанным на голове, в простеньком цветастом платье и белом переднике. Украшения она не любила, лишь иногда не её шеи можно было заметить крупные бусы, которые она одевала ни столько для красоты, сколько ради приятных воспоминаний. Её карие глаза все время поблескивали, а улыбка была настолько настоящей, что мгновенно обезоруживала любого.

Она обожала, когда везде был порядок и когда все вещи находились на своих местах. Благодаря этому, в каждом купе, в каждом вагоне, предназначенном для отдыха или для

употребления пищи, всегда была идеальная чистота. А на кухню и вовсе входить можно было только прищурясь – там блестело всё. Даже в овощах, аккуратно ссыпанных в красивые деревянные ящики, если постараться, то можно было бы увидеть своё отражение. Что уж говорить о посуде, столовых приборах и полотенцах.

Все в этом поезде было изысканно и дышало благородством. Все вагоны были оснащены блестящими деревянными панелями, кругом были бархат, шелк, хрусталь и золото. Все ковры и занавески были исключительно ручной работы. Особую прелесть занавескам предавала вышивка разнообразных животных, птиц и растений. Все это чудесным образом оживало, сразу после того, как состав покидал перрон. Тетушке Фанни особенно нравилось наблюдать, как на куске обычной ткани вдруг начинали цвести необыкновенной красоты цветы, а крохотные птички, перелетая с веточки на веточку, пели свои мелодичные песни. Она могла бы часами смотреть на это, если бы у неё не было столько работы.

Вся мебель здесь была из красного дерева, которая поначалу казалась чуточку громоздкой для подобного пространства. Но, это лишь на мгновение, пока не привыкнут глаза. Вокруг висело множество картин всевозможной формы и цвета, с сюжетами, понятными больше самому художнику, чем всем остальным.

Чего точно не было в этом поезде, так это зеркал. Никого тут не интересовало, как он или она выглядят. Зато в вагоне,

предназначенным для отдыха, стоял небольшой рояль, а над ним висел габаритный, пожелтевший от времени холст. Он был заключен в массивную золотую раму и смотрелся бы еще прелестней, если бы на нем было, хоть что-то нарисовано. Но, он не был предназначен для простого рисунка. У него была другая задача.

Кому, как не тетушки Фанни лучше всего было известно, что все стареет и портится, без должного ухода. Что за всем этим великолепием, окружавшим не только её одну, нужно следить. А, как управляться в одиночку? Конечно, ей были даны силы не только человеческие, но и чуть-чуть волшебные, которые, кстати, она использовала с умом. Только работы все равно было, как говорится, чёрт на печку не вскинет.

В тот день, когда тетушке Фанни выделили помощницу, она была прямо-таки на седьмом небе от счастья, ну или на девятом. Бесшумно порхая по вагонам, она с нетерпением ждала свою протеже, но увидев присланную к ней женщину, была слегка разочарована. Она ждала веселую, желательно капельку упитанную особу, с желанием работать, подчиняться и дружить. Взору её предстала совершенно другая картина.

Тетушка Фанни принимала всех новеньких у себя на кухне, которая занимала почти целый вагон. Для неё это была и кухня и кабинет и комната для отдыха. Она бы могла даже спать там, если бы туда поместили кровать. Но, слава Богу, до этого не дошло.

Теперь, оглядывая с ног до головы присланную к ней даму, тетушка Фанни часто прищуривалась и недовольно пыхтела. Юна – так звали помощницу, была женщиной высокой и довольно худой. Её кожа казалась слегка прозрачной. Такой оттенок без оттенка. Черные как смоль волосы были нехотя заплетены в две косы. Глаза светлые. Взгляд странный.

Одежда на ней была темная и мятая. Из всего этого можно было сделать лишь один вывод: Юна не уделяла должного времени ни своему гардеробу, ни своей внешности, ни попыткам поладить с другими людьми. Последнее тетушка Фанни поняла по тому, как держалась новая работница поезда. Движения Юны были резкими, брови хмурыми и она никогда не смотрела в глаза собеседнику, даже если рядом больше никого не было, и говорили только с ней.

Нельзя сказать, что поладили они быстро. Но, находясь практически в постоянно замкнутом помещении, лучше дружить, чем ругаться, так, по крайней мере, считала тетушка Фанни. К тому же, ей давно не хватало какой-то обыкновенной женской болтовни. Так что, потихоньку помаленьку, но отношения все же сложились.

Надо отметить, что поезд был очень большим, и управлять им было не так-то просто. Для этого нужен был особый человек и однажды он снова нашелся, сменив своего предшественника. Так что теперь, всем этим безумным составом командовал Зорий.

Он был мужчиной в возрасте, небольшого роста, с крепким телосложением, со скуластым лицом и с сединой в волосах. Он постоянно курил трубку и громко хохотал. У него не было ни особых примет, ни стойких принципов, ни больших надежд, ни малых желаний. Зорий привык довольствоваться тем, что имел. Просто когда-то это не помогло, не сработало, и он очутился здесь.

Зорий мог решить любую проблему, связанную с этим железным монстром и иногда даже попросту, криком. Если какая-то деталь отказывалась работать, то он сначала искал с ней общий язык, а если вдруг не находил, то начинал с ней ругаться. Обычно это помогало.

Помощником Зорию был назначен паренёк со странным именем Хуффи. Когда-то давно Хуффи был одиноким, запуганным беспризорником, который осторожно ходил по улицам, стараясь быть как можно незаметнее. То, что он научился делать на отлично, так это не привлекать к себе внимание. Ведь жизнь беспризорника, одна из самых опасных на свете.

Хуффи было около двадцати трех лет, но на вид ему никто не дал бы больше шестнадцати. Он всегда был с растрепанными волосами и слегка неопрятный, но его это не беспокоило. Хуффи всегда был веселым и ко всему относился играючи. Видимо, так ему было удобнее, находится в этом месте.

Рано или поздно срок службы в поезде времени заканчивался и освобожденный от работы человек свободно выходил на одной из станций и исчезал. Больше его никто ни-

когда не видел. Единственный, кто был обречен находиться здесь всегда – это шут по имени Франциск. Он был самым загадочным обитателем этого поезда.

Франциск был самый настоящий шут: в колпаке с бубенцами, в облегающей одежде в черно-белую шашечку, в черных башмаках с закрученными носами, на которых тоже позвякивали бубенцы. Лицо его было красиво раскрашено, хотя он вполне мог бы обходиться без грима, но почему-то не хотел.

Иногда он медленно прогуливался по всему составу с серьёзным видом и посохом в правой руке. Этот посох был самой любимой вещью Франциска, и не только потому, что он был волшебный, сделанный не одним чудесным существом, а еще, потому что подарен он был самим Элджером Фулertonом, в знак дружбы.

Подарок представлял собой бесхитростно выструганную палку с хрустальным шаром на верху, к одной из сторон которого, с помощью изящного крепления были приделаны большие разноцветные перья. Если Франциск был в настроении, он показывал пассажирам разные фокусы. Одним из его любимых номеров был номер со светящимся посохом, когда с перьев как будто стекала краска и аккуратно сползала по палке, образуя льющуюся радугу. Но, такие представления были большой редкостью, так как чаще всего Франциск пребывал в безыскусственной унынии и полной отрешенности.

Его лучшим другом в этом поезде был петух по имени

Солист. Неопикуемой красоты птица, с цветными, переливающимися перьями и несносным характером. Он передвигался по составу так же величаво, как и Франциск и одаривал всех таким же незаинтересованным взглядом. Он был чуть крупнее привычных для людей домашних птиц и оттого смотрелся еще забавнее. Всем почему-то хотелось погладить или хоть как-то потрогать его, но Солист терпеть этого не мог, поэтому клевал всех подряд. Франциск полностью одобрял подобное поведение и не стесняясь подбадривал друга.

Они любили посидеть вдвоём в смотровом вагоне, где стены и потолок были сделаны из прочного стекла. Здесь их обоих посещало какое-то неопикуемое чувство свободы. Казалось, что они не заперты, не замурованы в этом железе, а достаточно свободны и способны вырваться отсюда, когда захотят.

Особенно хорошо тут было ночью. Такого звездного неба больше нигде не было и уж они-то это знали. Хотя, в минуты особой нервозности Франциск предпочитал отсидеться у себя в купе, куда, кстати, никого не пускал, кроме своего пернатого товарища. Так же, он никогда тесно не общался с гостями поезда. Все они были для него лишь мгновением, не больше. Он мог неделями ни с кем не разговаривать, а мог сутками рассказывать смешные или грустные истории. Времени у него было хоть отбавляй, так что он мог творить все, что заблагорассудится.

Вот и сейчас, в момент распределения последних пасса-

жиров по вагонам, друзья закрылись в купе и в ближайшее время не собирались его покидать. Злость и тоска захлестывала Франциска, когда он видел все эти новые лица. Этот непонимающий взгляд, эти неловкие движения, эти тихие, дрожащие голоса, а потом – естественное мертвое молчание. И так каждый раз.

Теперь, сбросив ботинки и развалившись на кровати, Франциск снова пребывал в раздумьях. Вдруг его благо-родное лентяйство было нарушено неожиданным стуком в дверь.

– Не могу вас принять. Засыпаю, – ехидно протянул Франциск под негромкую песню Солиста.

– Меня послала тетушка Фанни, – по-мальчишески робко сказал Хуффи. – Она просит тебя помочь. Среди гостей опять много детей.

– Справитесь без меня, – рявкнул шут. – Уходи!

– Если передумаешь...

– Да, да. Я знаю, где вас найти, – с безразличием ответил Франциск и закрыл лицо подушкой.

Хуффи еще постоял несколько секунд у двери, повздыхал, потом закатил глаза, а уж потом пошел к остальным. Он знал, что ему не уговорить Франциска выйти и вообще недоумевал, почему в этот раз упрашивать шута отправили его.

Тем временем в поезде вовсю кипела работа. Так как это была последняя станция перед большим путешествием, то все работники старались проверить и подготовить всё, как

можно лучше. Но, кроме, Франциска, конечно. Он был тут не для дела, а скорее для красоты.

Юна распределяла гостей, а Хуффи провожал их в купе, попутно проверяя, всё ли есть для пассажира в его временном жилище. Если чего-то не хватало или гость просил что-то добавить или убрать, Хуффи записывал это карандашом в книжечку, а после обязательно выполнял.

Пока Юна и Хуффи устраивали последних пассажиров, тетушка Фанни колдовала на кухне. Нужно было столько всего приготовить, а времени до обеда оставалось не так много. Сейчас кухня была самым волшебным местом в поезде, где все делалось лишь по взмаху руки или короткому слову кухарки. Ножи сами чистили и резали овощи, на большой плите стояли кастрюли, в которые самостоятельно запрыгивали картофель и вермишель. В раковине щетка сама мыла фрукты, а тетушка Фанни месила тесто на пироги.

Так же она достала свою книгу с рецептами десертов, которая была довольно внушительных размеров. Книга висела в воздухе, перед глазами кухарки и сама перелистывала страницы, пока тетушка Фанни выбирала сладкое блюдо. В поезде было много детей и ей хотелось угостить их чем-нибудь вкусненьким.

То, что тетушка Фанни не одобряла, так это когда ей мешали. И вот сейчас, вбежавший в кухню Хуффи не сулил ничего хорошего. Он влетел так быстро, что сбил пролетающую в воздухе бутылку с маслом, а та, толкнула летящую

за ней миску с яйцами. Яйца уже полетели вниз, и одно из них успело чуточку коснуться пола, как вдруг тетушка Фанни громко крикнула:

– Стоп!

Посуда, плывущая по воздуху, остановилась и Хуффи вместе с ней.

– Назад! – скомандовала повариха, и все яйца снова забрались в миску. Даже небольшая трещинка на одном из них, зажила, как маленькая ранка.

– Простите, тетушка Фанни, – с виноватым видом пролепетал Хуффи. – У нас возникли сложности и без вас нам не справиться.

– Хуффи, мальчик мой, – нежно сказала Фанни. – Сколько раз я уже говорила тебе, чтобы ты не врвался в мою кухню, как ошпаренный? Ведь, какова бы не была проблема, мы не решим её быстрее, если ты все здесь разгромишь.

– Я знаю, тетушка. Виноват, – сказал Хуффи, продолжая стоять неподвижно на том самом месте, где повариха всё остановила. – Просто у нас еще пять пассажиров, а из пустых вагонов остался только тридцать третий.

Тетушка Фанни на секундочку замерла. У неё были связаны не очень приятные воспоминания с этим вагоном и все, кто постоянно находился в этом поезде, знали об этом. После тех событий она закрыла вагон и велела больше никого туда не вселять. И вот сейчас для нее было не много странно слышать эти цифры на своей кухне.

– И что это за пассажиры, которым не хватило места? – спросила она, вытирая руки о передник.

– Пять подростков. Они пока ждут в вагоне для отдыха, – неуклюже ответил Хуффи и опустил голову, как делает человек, принёсший дурные вести.

– Ясно. Раз ничего другого нам не остается, то придется открыть вагон, – сказала тетушка Фанни, поправляя платок на голове. – Скажи Юне, чтобы пришла ко мне, а сам угости пока ребят вот этим.

Повариха махнула рукой и в объятья Хуффи прилетела две вазы, одна была наполнена конфетами, а другая всевозможными фруктами. Вазы были довольно тяжелые, поэтому Хуффи пришлось прижать их к телу и слегка согнуть ноги в коленях, для лучшей устойчивости.

Буквально через несколько минут тетушка Фанни вместе с Юной уже стояли около двери вагона номер тридцать три. Фанни сняла с шеи веревочку, на которой болтался ключ и, посмотрев на свою помощницу каким-то тревожным взглядом, передала его ей.

– Откроешь? – почти шепотом спросила повариха.

– Конечно, – ответила Юна.

Через мгновение дверь в злополучный вагон распахнулась. Знакомые запахи стали навязывать тетушке Фанни страшные воспоминания. От которых она пыталась так долго избавиться. Она бы ни за что сюда не вошла, если бы не знала, что одной Юне не справиться. В это место долгое время

никто не заходил, и чистоту тут наводили редко, так что теперь нужно было быстро все помыть, протереть, перестелить постели, почистить ковры и стряхнуть пыль с занавесок. В общем, без волшебных сил тетушки Фанни, Юна, провозилась бы не меньше недели.

– Начнем, – сказала тетушка Фанни и как можно уверенней вошла в вагон.

Всего в вагоне было пять просторных купе. В каждом стояла широкая кровать, небольшой столик и кресло, а сбоку маленькая дверь, которая вела в уборную.

В первую очередь, войдя в купе номер один, тетушка Фанни открыла окно. Морозный воздух быстро окутал всё вокруг и немного разозлил повариху, чему она была несказанно рада. Ведь одновременно злиться и грустить получается очень редко, так что она ухватилась за это чувство и полностью сосредоточилась на уборке.

В одно мгновение купе как будто ожило. Каждая вещь реагировала на плавные движения тетушки Фанни. Всё вокруг запыхтело и закрипело, как в старом, одиноком доме, в который неожиданно вторглись люди.

В открытое окно сначала вылетел свернутый коврик и стал сам себя вытряхивать. За ним последовали занавески. В ведро с водой, налитое Юной, попрыгали тряпки и губки, после чего, они стали набрасываться на окна и мебель, почти как голодные зверьки. Может, все происходило именно так, потому что сейчас тетушка не вкладывала в свои движения

ни капли любви и нежности. Она просто хотела закончить как можно быстрее и уйти.

Тетушка Фанни переходила так из купе в купе, и всё вокруг постепенно обретало порядок. Она остановилась лишь у двери четвертого купе и ни как не могла заставить себя войти.

– Я сама приберу тут, – сказала Юна ободряющим голосом. – Думаю, вам лучше заняться следующим помещением.

В ответ тетушка Фанни только кивнула и поспешила в пятое купе. Там она продела тоже самое, что и в предыдущих купе, а потом быстро покинула тридцать третий вагон. Ей хотелось поскорее оказаться на своей кухне и скрыть горькие слезы за чистой улыбкой.

Глава 3

Юна закончила уборку и еще раз прошлась по вагону, чтобы удостовериться, что все выглядит надлежащим образом. Убедившись в этом, девушка собрала все ведра и тряпки и убрала их в крохотную каморку, возле первого купе. Теперь оставалось только найти Хуффи и сказать, что все готово, и он может заселять детей.

Между тем, в вагоне для отдыха, в томящемся ожидании, сидели пять подростков. Они осматривали все вокруг с неподдельным интересом, но никто не решался заговорить первым.

Самой последней в этот вагон вошла Соня. Она медленно

огляделась по сторонам. Её внимание привлекли ни столько люди, сколько интерьер. Она сочла его не просто шикарным, а бесподобным и уютным, что встречается довольно редко в обыкновенных поездах.

Соня осторожно прошла мимо присутствующих и села на ближайший свободный диванчик. В руках у неё был рюкзак, который она не отважилась поставить на столь великолепный бархат, которым был обшит диван, поэтому бросила его на пол, возле своих ног.

Начать разговор в незнакомой компании она не решалась. Но, тишина была еще хуже той неловкости, которая, как она думала, возникнет, если она начнет спрашивать что-то первой. Так они и сидели, тайком осматривая друг друга и делая разные выводы о происходящем.

Иногда, а особенно в такой ситуации, тишина не помогает. Сколько бы ни делал заключений и предположений, они все равно не дадут полной ясности. Поэтому, набравшись смелости, Соня все же решила спросить.

– Ну, как вам здесь? Нравится?

Паренёк, сидевший у окошка, почти напротив Сони, вдруг повернулся и весело сказал:

– Да, вроде, ничего. Осваивайся.

Соня заметила, что в руках парень держал игральные карты, которые без конца перебирал, хотя даже не смотрел на них. Сначала ей захотелось продолжить беседу, но увидев, что он снова отвернулся к окну, она замолчала, и все опять

погрузились в свои мысли.

Не много погодя, нарушив эту видимость покоя, в вагон ворвался Хуффи. Он остановился на середине, отдышался и набрав в грудь побольше воздуха, скомандовал:

– Уважаемые дамы и господа! Прошу следовать за мной! – Хуффи сделал несколько шагов, дальше по вагону, но вдруг неожиданно услышал вопрос.

– Куда следовать? А, главное, зачем?

Вопрос был задан мальчишкой, который сидел в кресле. Рядом с ним, на другом кресле, тоже сидел мальчик и похожи они были как две капли воды. Два кресла разделял компактный столик, на котором стояла лампа с великолепным голубым абажуром, но второй мальчуган все же дотянулся рукой до своего любопытного брата и слегка шлепнул его по рукаву куртки.

Другие подростки уже встали со своих мест, но братья продолжали сидеть. Один из них явно ждал ответа, а второй решил не оставлять брата без поддержки. Может быть, в их головах и был продуман какой-то план, но вот только они не учли одного – Хуффи запрещалось отвечать на вопросы гостей. Проще говоря, это не входило в его обязанности. Да, к тому же, он легко мог ляпнуть чего-нибудь лишнего. Но, сейчас нужно было всё-таки что-то сказать, чтобы поднять этих сорванцов с кресел.

Хуффи только выглядел молодо. На самом деле он был старше всех этих детей ни на одну сотню лет, так что эта си-

туация ничуть его не взволновала. Он повернулся к ребятам и спокойным голосом сказал:

– Пройдя этот вагон, мы попадем в вагон номер тридцать три. В нем находятся пять купе, предназначенные для вас. – Хуффи внимательно наблюдал за реакцией братьев и, по его мнению, она была вполне нормальной. – Там вы отдохнете, а после, вас пригласят на обед. Вот там вы сможете задать все интересующие вас вопросы. Теперь мы можем идти?

– Да, – буркнул любопытный паренёк и встал с кресла. Брат встал следом за ним.

Чуть полноватая девочка, которая стояла совсем близко к роялю, посмотрела на мальчишек каким-то восхищенным взглядом. Ей бы никогда не хватило смелости, вот так, прилюдно, показать свой характер. Поэтому, с одной стороны, такие ребята её восхищали и даже вдохновляли, а с другой, пугали её до чёртиков.

Хуффи не мог больше ждать, и громко хлопнув в ладоши, неожиданно для всех прикрикнул:

– За мной!

Все ребята, как один взглянули на него, но Хуффи этого уже не видел. Он продолжил свой путь по вагону, посвистывая и улыбаясь. Никто больше не стал спорить и что-то выспрашивать. Все просто последовали за ним.

Уже через несколько секунд все были на месте. Распределение детей было самой главной задачей Хуффи. По своему выбору он определял для подростков купе и в этот раз

не спешил. Эти ребята уже понравились ему, хотя это было строго запрещено. В общении с гостями можно было использовать тактичность, услужливость и многое такое, но симпатизировать или выделять кого-то, было категорически противопоказано.

И вот сейчас, когда все стояли в вагоне номер тридцать три, Хуффи мог начать свою работу. Сначала он посмотрел на высокого, худощавого мальчишку, который все время молчал и совсем не проявлял никаких признаков любопытства. Казалось, что все это для него вовсе не новость.

С виду, мальчуган был тихий, как жаркая летняя ночь, когда все, экономя силы и нервы, предпочитают молчать и не шевелиться. Но, эта была лишь видимость безразличия и Хуффи это знал. Он сразу заприметил этого парня, хотя всего на секунду проскользнул по нему взглядом.

– Вы! – Хуффи показал пальцем на долговязого мальчишку. – Вы, сэр, будете проживать в купе номер один.

Хуффи открыл дверь в купе и пропустил мальчика вперед.

– Восхитительно! – с улыбкой сказал мальчуган и плюхнулся в кресло, забросив ногу на ногу. – Полагаю, мне здесь понравится.

– Надеюсь, – ответил Хуффи. – Могу ли я попросить вас представиться, сэр?

– Меня зовут Эрнест. А вас? – как то шутливо спросил паренёк, и его улыбка стала еще шире.

– Моё имя Хуффи и я всегда буду рад помочь вам, – ответил он. – Но, теперь пора продолжить распределение, а, то мы никогда не тронемся.

Хуффи покинул купе номер один и прошел ко второй двери. Здесь он решил поселить самого любопытного паренька, а рядом с ним его брата.

– Здесь будете проживать вы, сэр, – сказал Хуффи. – А рядом с вами, будет жить ваш брат, друг и соратник.

Девочки, которые всё ещё стояли в коридоре, так как попали в конец списка по заселению, тихонько захихикали.

– Хватит называть нас на вы, – буркнул любопытный паренёк. – Меня зовут Мат, а его Шах. Так что, давай-ка просто по именам.

– Шах и Мат! Вот это интересно! – На лице Хуффи появилось восхищение. – Это что, имена?

– Почти, – впервые отозвался Шах.

– Ясно, – сказал Хуффи. – Тогда проходите, господа Шах и Мат. Теперь перейдем к дамам.

– Ой, да брось ты, какие мы дамы! – немного громче, чем нужно, сказала Соня. – Моё четвертое купе.

И Соня сама открыла дверь и вошла внутрь.

– Какие самостоятельные ребятишки мне попались, – прошептал Хуффи. Он не привык к такому поведению, хотя встречал немало людей на своём веку, но такую свободу действий, он приписывал более взрослым людям. – Хорошо. Вы заселяйтесь в купе номер четыре, а вы, барышня, в купе но-

мер пять. И прошу вас, представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Соня, – крикнула девочка из своего четвертого купе. – Какая тут красотища! А какая большая кровать! Я всегда думала, что в поездах не может быть уютно, но здесь классно.

– А моё имя Люси, – скромно сказала та самая девочка, которая так восхищалась храбростью братьев. – А, что нам тут делать?

– Ждать! – сухо ответил Хуффи и указал ей рукой на дверь. – Проходите. Устраивайтесь, а мне пора.

– А если у меня вопрос? – выкрикнул из первого купе Эрнест.

– Боюсь, что вам придется подождать. Если что-то понадобится, то рядом с вашей дверью есть синяя кнопка. Просто нажмите её. До свидания, дамы и господа, – и Хуффи направился к выходу.

Хуффи откланялся, а дети разошлись по своим купе и усевшись, кто куда, пытались осмыслить то, что с ними происходит. Одна только Люси оставалась стоять посреди своего купе и не решалась дотронуться хоть до какого-нибудь предмета. Ей казалось, что если она почувствует, вдохнет полной грудью, то это уже безвозвратно станет реальностью, а она ещё не поняла, нужна ли ей такая реальность.

Пока наши гости пребывают в раздумьях, мы с вами рассмотрим их по внимательнее. Начнем, пожалуй, с Эрнеста. Это был высокий парнишка в очках, с аккуратной стриж-

кой и неунывающим характером. Веселый нрав плюс актерский талант наверняка облегчали ему жизнь. Он хорошо учился в школе. У него был пёс по кличке Молчун – его единственный друг. Так же, Эрнесту нравилось играть в карты, вот почему он всегда носил их с собой. В момент особой нервозности, он перебирал их в руках и постепенно успокаивался. Он не стыдился своих слабостей и не стеснялся своей внешности. Тогда, почему он здесь, спросите вы? Не знаю.

Тут было еще два юноши. Два брата-близнеца, совершенно не похожие друг на друга. Да, внешне они, бесспорно, были одинаковые, но вот внутренне, абсолютно разные. Иногда, невольно задаешься вопросом, почему близнецы такие разные?

Например, Мат был сильным, храбрым и довольно настойчивым и категоричным. Он привык решать все проблемы кулаками. Мат всегда защищал брата – в школе, на улице и дома. Дом свой он не любил, и это было из-за отчима, который однажды возник в их семье. Мат ненавидел учиться. Он предпочел бы лучше работать, нежели просто протирать штаны в школе. Этот человек обожал быть на улице. Ему нравилось быть в центре внимания.

Шах был полной его противоположностью. Он был умный, спокойный и рассудительный, но слишком ранимый для ребенка четырнадцати лет. Шах старался во всем поддерживать брата, даже если был категорически с ним не согласен. Он был гораздо мягче с окружающими его людьми и

с сами собой тоже. Шах не очень жаловал уличную жизнь, наверно потому, что не чувствовал себя там в безопасности, настолько, насколько его брат.

Он любил читать, причём все подряд. Больше всего ему нравились исторические книги и книги о путешествиях. Его героем был Ахиллес и Шах восхищался его силой и упорством и часто мечтал стать таким же. Конечно, глубоко внутри, он понимал, что все это только мечты и он не сможет стать другим человеком. В связи с этим, он просто решил остаться самим собой, почему-то заключив про себя, что это плохо.

Переходя к девочкам, мы начнем с Сони. Она была красивой, гордой и практически бескомпромиссной. Она не любила людей. Считала их существование бессмысленным, в принципе, как и своё. Жизнь нравилась ей только в определенные моменты, каких, к счастью или, к сожалению, было с воробыный нос.

Ей всегда было скучно, и она часто запиралась у себя в комнате и писала стихи. В основном они были печальные, но Сони нравились именно такие.

Люси была другой. Она была очень скромной, чуть-чуть полноватой девочкой, которая безумно любила петь. Откровенно говоря, у неё это первоклассно получалось. Вот только Люси была слишком стеснительной, чтобы петь для публики. Она делала это только для себя, когда оставалась дома одна и могла полностью сосредоточиться на своем голосе.

Порой ей казалось, что она не красивая, не талантливая и уж тем более, не умная. Она истязала себя этими думами и зачастую сама выносила себе самый строгий приговор.

Люси считала, что никто её не понимает и никогда не поймет. Что она одинока в этом большом и злом мире и не найдется человека, который смог бы ей помочь думать или жить по-другому.

Чтобы как-то отвлечься от этих мутных мыслей, Люси научилась вязать. Постепенно этот процесс так захватил её, что она могла часами сидеть со спицами и вязать чудесные вещи, иногда даже не замечая, день за окном или ночь. И это помогало.

И вот сейчас, все эти подростки собрались в некогда закрытом вагоне номер тридцать три. Они даже не подозревали, какое путешествие ждёт их и сколько всего им предстоит увидеть и услышать.

Но, не будем забегать вперед. Ведь именно так истории становятся неинтересными. Лучше продолжим оттуда, где остановились.

Глава 4

Сделав все, как полагается, Хуффи поспешил уведомить об этом тетюшку Фанни, которая все еще хлопотала на кухне. Её настроение стало чуточку лучше от всей этой суеты и бесконечного движения посуды и продуктов. Некоторые блюда были готовы и ждали, когда их подадут гостям. Другие еще

томились на плите или в духовом шкафу.

Сегодня на обед у тетушки Фанни было великолепное меню: на первое, суп с креветками и плавленым сыром; на второе, вермишель со стейком в медово-лимонном маринаде, но, а на десерт – большой шоколадный торт. Были еще салаты и разнообразные закуски, и все было изысканно украшено.

Не похвастаться такой красотой приравнивалось практически к преступлению, так, по крайней мере, считала тетушка Фанни. сегодня она хотела порадовать не только пассажиров этого удивительного поезда, но и саму себя. Ведь ни что так не придает человеку воодушевления, как добрый кусок хорошо пропитанного шоколадного торта с горячим чаем или, как любила тетушка Фанни, с кружечкой наивкуснейшего какао.

В этот раз Хуффи вошел осторожно, почти как крадущийся котенок. Тетушка Фанни перевела на него взгляд и улыбнулась.

– Совсем другое дело. Молодец, – посмеиваясь, сказала она. – Как наши гости?

– Все размещены по своим вагонам. Всем велено оставаться на своих местах и ждать дальнейших распоряжений, – отчитался Хуффи.

– Думаю, через некоторое время начинай созывать их за стол. Скоро поезд поедет, и я бы очень хотела, чтобы наши пассажиры начали это путешествие с вкусной еды, – сказала

тетушка Фанни, раскладывая закуски на большое белое блюдо. – Хуффи, мальчик мой, передай Юне, чтобы потихоньку созывала гостей на обед. И пускай начнет с первых вагонов.

– Будет исполнено, тетушка! – быстро отозвался Хуффи. – А, для меня будет какое-нибудь задание?

– Если хочешь, помоги Юне или сходи, проведай Зория. Вдруг ему нужна помощь?

– Мы с Зорием давно все подготовили. Так что, теперь он просто ждет команды для отправки, – сказал Хуффи, теребя пуговицу на своей жилетке. – Если хотите, я помогу вам.

– Нет, мой дорогой. Иди-ка ты лучше к нашему самому капризному жильцу и заставь его выйти и помочь нам, – сказала тетушка Фанни уже с серьёзным выражением лица.

– Зря только время потрачу! – с обидой воскликнул Хуффи. – Его ни чем не проймешь! Он ведь помогать должен, а вместо этого, он целыми днями лежит и бездельничает в своём купе или занимается всякой ерундой. То в библиотеке пропадает, то в смотровом вагоне. Как будто он здесь на отдыхе!

Бесспорно, тетушка Фанни понимала возмущение Хуффи и как и он была недовольна поведением Франциска. Вот только исправить эту сложившуюся без её одобрения ситуацию она была не в силах. Единственное, что она могла сделать, так это пожаловаться мистеру Фуллертону. Но, страх того, что она может больше не увидеть шута-зазнайку, пересиливало желание выяснять отношения. По этой причине,

тетушка Фанни предпочитала молчать и не раздувать огонь и без того в не крепкой печи. Лучше терпеть маленькие капризы Франциска, чем быть, не дай Бог, главной причиной его исчезновения.

Но, не все поддерживали подобную позицию. Юна, например, иногда была просто в бешенстве и от Франциска и от его дружка. Они приносили ей только беспокойство и вечную суету. В поезде был один человек, которому было все равно – Зорий. Самым главным для него было состояние поезда, а не его обитателей. Собственно, поэтому он не вступал не в какие конфликты и междоусобицы.

Хуффи продолжал стоять на кухне тетушки Фанни с возмущенным видом и явно ждал хоть какую-то реакцию на свою недлинную, но правдивую речь. Тетушка Фанни не заставила себя долго ждать.

– Не стоит начинать этот разговор, милый. Я сегодня уже достаточно понервничала и на большее меня уже не хватит. Лучше оцени мои блюда и скажи, чтобы ты хотел попробовать в первую очередь.

– Было бы не плохо, если бы вы угостили меня вон тем румяным пирожком.

Получив угощение, Хуффи мило улыбнулся тетушке и больше не стал ей докучать. Он решил, что лучше пойдет помогать Юне и тем самым вызовет к себе уважение. Ему это было нужно.

Найдя Юну в одном из вагонов для отдыха, Хуффи пере-

дал ей указания тетушки Фанни. Та кивнула головой в знак согласия, поправила подушечку на диване и зашагала в начало поезда. Хуффи увязался за ней в роли помощника.

В этот самый момент поезд наконец-то тронулся с места. Многие пассажиры прильнули к окнам, особенно те, кто ехал на поезде впервые. Не были исключением и подростки из вагона номер тридцать три, которым судьба, до этого мгновения, не предоставляла шанса покататься на таком транспорте.

Все здесь им было в диковинку: звуки, запахи, движения и сама атмосфера. Ведь одно дело видеть это на картинке или читать об этом в книгах и совсем другое, оказаться здесь по-настоящему.

Пассажиры, живущие в разных вагонах, не могли видеть друг друга. Так было лучше всего. Для общения было вполне достаточно тех, с кем гость проживал в одном вагоне. Плюс, так сказать, рядом всегда был обслуживающий персонал. Франциск уточнил, что только так они смогут избежать массового нытья и громких сожалений. И в конечном итоге, он оказался прав. С тех самых пор, пассажиров стали заселять именно так.

Юна постепенно созывала гостей в столовую. Так здесь называли вагон, где употребляли пищу. Столовая у каждого вагона была своя. На этом также настоял Франциск. Он считал, что коллективные посиделки за столом не приносят ничего хорошего.

Спустя некоторое время в поезде зазвучал шум расставляющейся посуды. Эти моменты Юна любила больше всего. Звон, шуршание, позвякивание, хруст – все эти звуки будили в ней какую-то нежность, иногда даже не свойственную ей доброте. Время трапезы для неё было каким-то особенным, и никто не знал, почему. Здесь у каждого были свои секреты, своё понимание мира и существования в нём.

Юне выпала, так называемая честь, пригласить к обеду детей из вагона номер тридцать три. Дети, после такого приглашения даже повеселели, потому что замаялись сидеть в своих купе, и пройтись для них было весьма кстати.

В столовой их уже ждал полностью сервированный стол. Тетушка Фанни вместе с Хуффи закатывали тележки, на которых красовались приготовленные блюда. Юна показала рукой на стулья, приглашая детей сесть и не дожидаясь их дальнейших действий, отправилась к другим пассажирам. Хуффи с небольшим грохотом подкатил свою тележку поближе к столу, в точности так же как сделала тетушка Фанни, а потом откланялся, оставив повариху наедине с пятью подростками.

Молодёжь расселась по местам и стала тихо ждать. У них, конечно, была куча вопросов, но вот только пока среди них не нашлось смельчака, который озвучил бы хоть один. Все как обычно только переглядывались.

Тетушка Фанни уже не раз была на подобном мероприятии, поэтому заранее знала все эти движения, вздохи и тяжёлую тишину. Она встала так, чтобы все могли её видеть и

начала свою традиционную речь.

– Здравствуйте, дорогие дети! Меня зовут тетушка Фанни, и именно я приготовила для вас этот вкусный обед. Понимаю, что у вас, возможно, есть вопросы, но предлагаю отложить беседу на более позднее время, а пока, насладиться горячей пищей.

Дети внимательно слушали повариху и не отводили от неё глаз, даже тогда, когда она уже закончила свой монолог. Подростки не ожидали, что первое, о чём с ними заговорят, будет беседа о еде. Они ждали каких-то объяснений или пояснений, а взамен, им просто предложили поесть.

Не всем хотелось утолять голод, не утолив любопытства. Дети освободили тетушку Фанни от своих взглядов, чтобы снова перевести их друг на друга. Каждый из них надеялся, что сидящий напротив него человек, окажется гораздо смелее его самого и задаст интересующий всех вопрос.

– Это все, разумеется, замечательно, – сказал Эрнест, жестикую руками и как бы показывая ими на всё сразу. – И мы все благодарны вам за такой приём, но не могли бы вы перед уходом, ответить нам на один единственный вопрос?

– На один? – спросила с усмешкой тетушка Фанни и для большего эффекта подпёрла руками бока. – Ладно! За твою вежливость я отвечу на твой вопрос, но потом вы сразу приступите к обеду. А то ведь все остынет!

– Спасибо. И спасибо зато, что отметили мою вежливость, но нам очень хотелось бы знать, что это за место и куда мы

держим путь?

Эрнест спросил все на одном дыхании, потому что все смотрели на него и ему не хотелось оплошать. Да и услышать ответ на вопрос было уже не первостепенной задачей, ведь теперь главное было выделиться среди остальных. Хотя бы здесь и сейчас.

– Но, во-первых, ты задал два вопроса, а во-вторых, тебе стоит выбрать какой-то один. Выбирай.

Эрнест посмотрел на тетушку Фанни с милым прищуром и с улыбкой, слегка напоминающую улыбку чеширского кота. В его голове быстро проносились всевозможные ответы на оба вопроса, но медлить он не мог, поэтому спросил сходу:

– Где мы?

– В поезде! – ответила повариха смеясь. – Теперь, когда мы это выяснили, можно приступать к обеду.

– Одну минуту! – с легким раздражением в голосе сказал Мат. – Это не совсем честно с вашей стороны. То, что мы в поезде, догадался бы даже идиот. В каком поезде? Для чего мы здесь? И куда мы на фиг едем?

Его раздражение увеличивалось с каждым сказанным предложением. Единственный, кто мог потушить этот пожар, был Шах, но он только смотрел на брата и ничего не делал. Ему самому было интересно услышать ответы на эти вопросы.

Тетушка Фанни на секунду подумала, что, возможно,

Франциск прав и коллективные посиделки и впрямь не приносят ничего хорошего, но потом быстро отогнала эту мысль. Она была гораздо добрее к людям и хотела сохранить это чувство как можно дольше.

Теперь повариха подняла руки чуть выше и скрестила их на груди. Если бы дети знали её получше, то сразу бы поняли, что это не к добру и ми следует подготовиться к чему-то серьёзному.

Мат по-прежнему сидел без движения и смотрел на сидящего напротив брата. Шах делал то же самое. Эрнест, который сидел рядом с Матом, поправил очки и достал из кармана свои игральные карты. Люси сидела рядышком с Шахом и сейчас практически выросла в стул. Так ей было неловко и страшно, что она предпочла бы стать невидимкой и незаметно покинуть вагон. Соня сидела рядом с Люси и видела её нервозность. Сама Соня не испытывала подобных чувств. Ей уже было без разницы, где они и куда направляются. Она закинула ногу на ногу, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

– Вам, молодой человек, явно не хватает воспитания. Возьмите себе в пример Эрнеста. – Тетушка Фанни повысила голос, потому что не одобряла нахалов. – Не знаю, где и когда вас научили не уважать возраст, но можете мне поверить – я это исправлю.

Мат нахмурил брови и уже хотел ляпнуть что-нибудь из своего репертуара, но Шах осторожно покачал головой. Мат

быстро понял, что означает движение брата и не стал лезть на рожон. Тетушка Фанни оценила такой поступок. Она тоже уловила это почти незаметное движение и догадалась, что всё это уже давно отработано у братьев, и они давнехонько научились общаться без слов.

В вагоне повисла тишина, которой никто не обрадовался. Тетушка Фанни ждала, тихонько притоптывая одной ногой, а дети по-прежнему, просто переглядывались.

В одно мгновение Соня открыла глаза, посмотрела на всех, а потом повернулась вместе со стулом к поварихе и спокойно сказала:

– Мы приносим вам свои самые искренние извинения и впредь постараемся вести себя как можно культурнее. Если ваше предложение отобедать еще в силе, то подозреваю, что мы все уже готовы его принять.

– Вот и славно, – на выдохе сказала тетушка Фанни. – Теперь сели красиво, убрали локти со стола и приготовились.

– К чему приготовились? – спросила Соня, поворачиваясь обратно к столу.

Ответа не последовало. Вместо этого повариха развела руки в разные стороны и все приготовленные блюда и закуски начали плавно перемещаться с тележек на стол. Цветы в вазах, стоящие между хрустальных графинов с разными напитками, сразу распустились, и их аромат заполнил весь вагон.

Дети, разинув рты, молча, наблюдали за происходящим. В данный момент никто не хотел ничего спрашивать, все про-

сто хотели смотреть. Действительно, как тут отвернешься, когда поварёшка сама разливает по тарелкам горячий суп.

Тетушка Фанни шептала что-то вслед уплывающей по воздуху посуде и та слегка позвякивала в ответ, как будто смеялась. Удивление не сходило с лиц детей. Всё это их так развеселило, что они напрочь забыли обо всех расспросах. Люси даже взвизгнула, когда графины, вместе со стаканами зависли в воздухе, сантиметрах в двадцати над столом, ожидая команды. Эрнест хотел перехватить одно небольшое блюдо с пирожными, но тут, же получил ложкой по лбу. Не сильно, разумеется, но ощутимо. Этот инцидент несколько не расстроил его, а наоборот, даже позабавил.

Когда суп был разлит по тарелкам, тетушка Фанни сказала:

– Теперь берём ложки и уплетаем, а если захотите второе блюдо или десерт – просто скажите.

– А это как? Как оно так? – пытался спросить обалдевший Эрнест.

Видно было, что другие тоже хотели знать, как это происходит и показывали своё желание в основном при помощи выпученных глаз и открытых ртов.

– Ешьте. Позже я вернусь, и мы поговорим, – сказала тетушка Фанни и отправилась дальше, выполнять свою работу.

Секунд, примерно, шесть подростки молчали и ничего не делали.

– Не знаю, как вы, а я пожалуй поем. Пока ложка сама не

начала меня кормить, – сказала Соня и решительно взялась за обед.

– Ладно. Она права, – сказал Мат и тоже взял ложку. – Нам надо поесть, а то еще неизвестно, что за хрень нас ждёт дальше.

Его слова в большей степени были предназначены брату, а не всей, собравшейся за столом компании, но прислушаться к ним решили все.

Этот обед был самым невероятным событием в жизни каждого из них. Уплетая за обе щеки, они удивлялись не только тому, что всё, чтобы они не пожелали, само подлетает к ним, но и тому, почему они не начали, есть раньше. От этой еды невозможно было оторваться.

– Если меня все время будут здесь так кормить, то я останусь тут навсегда, – сказал Эрнест, продолжая жевать печенье.

– Еда, конечно, безупречная, но всё же, как вы думаете, зачем мы здесь? – спросила Люси, пересилив свою неуверенность.

– Экскурсия для малолетних дураков, – сказал Мат. – Сейчас нас покормят, покатают, а потом продадут в рабство.

– Это не смешно, – тихонько отозвалась Люси.

Шах неодобрительно посмотрел на брата, так как после его слов, веселья за столом поубавилось.

– Да, ладно вам! – воскликнул Мат. – Зачем сидеть и гадать. Сейчас эта женщина вернется и все нам расскажет.

– И ты думаешь, она скажет нам правду? – спросил Эрнест и снова достал из кармана карты. – И, кстати, кто-нибудь, кроме меня, мальчика в очках, заметил, что эти рисунки на занавесках шевелятся?

На самом деле, никто, до этого момента, не обращал на это внимание. Только сейчас, когда Эрнест сказал об этом, все уставились на занавески. Соня даже встала со стула и подошла поближе, чтобы разглядеть эти чудеса получше. Спустя пару секунд, к ней присоединилась Люси.

– Так не бывает! – с восторгом сказала Соня и громко засмеялась.

– Господи, куда мы попали? – спросила Люси, видимо у Высших сил.

Глава 5

Красиво и правильно ответить на вопрос Люси могла только тетушка Фанни, но она не спешила. Повариха как будто чувствовала, что время еще не пришло. Пускай дети сами подумают. Возможно, от совместных усилий они быстрее сблизятся, и их путешествие не будет таким одиноким. Тетушка Фанни любила подобрать момент и рассказать об этом волшебном поезде не просто, в повседневной форме, а с восторгом.

Время шло. После того, как дети увидели живые картинки на занавесках, они начали ходить по вагону, дабы отыскать еще что-нибудь этакое. Каждому из них хотелось найти это

первым. Подростков захватил азарт, и они тщательно вглядывались во все детали. Одна лишь Люси не могла поддерживать это веселье, так как её одолевали другие эмоции. В основном, это были волнение и страх.

Она стояла около окна и смотрела на быстро меняющиеся пейзажи. Они уезжали все дальше и дальше, и за окнами было все меньше и меньше привычных мест. Небо было какое-то странное, природа постепенно становилась незнакомой и Люси все это подмечала. Другие же, пока нет.

– О чём думаешь? – спросил подкравшийся к Люси Шах. Он давно наблюдал за ней и почему-то подумал, что ей необходима тихая, спокойная беседа. Может потому, что сейчас он сам в этом нуждался.

– О многом думаю, – ответила Люси, продолжая смотреть в окно. – Какое-то странное чувство внутри, похожее на тоску или на грусть.

– И у меня, что-то подобное, – сказал Шах, а потом посмотрел на других ребят. – А вот у них, наверняка другие ощущения. Не хочешь присоединиться к поискам невероятных чудес?

– Что-то не хочется. Я лучше постою здесь, а ты иди, если желание есть, – сказала Люси, переводя взгляд на Шаха.

Она стеснялась. Он робел. Разговор слегка не клеился. Типичное поведение подростков.

– Нет уж. Мне и этих чудес хватит до конца дней, – сказал Шах, пытаясь разрядить обстановку. – Можно я лучше

с тобой постою?

Никогда, ни один мальчик не просил у неё разрешения постоять рядом, поэтому Люси толком не знала, как на это реагировать. Стоит ли немного подвинуться, чтобы дать ему больше места у окна, можно ли ему улыбнуться или задержать на нём взгляд. И что лучше, молчать или продолжать разговор.

Помощь, как оно часто бывает, пришла, откуда не ждали. В вагон вошла Юна и, увидев блуждающих по вагону детей ничуть не удивилась. Она пришла забрать грязную посуду и провести детей, по поручению тетушки Фанни.

Юна молча, подошла к столу и принялась убирать посуду на тележку. Незаметно она поглядывала на подростков и оценивала их поведение, чтобы потом рассказать тетушке Фанни.

– А когда к нам заглянет эта чудесная женщина, что накормила нас, как царскую семью? – спросил Эрнест, который оказался самым нетерпеливым.

– Скоро, – ответила Юна, не отрываясь от работы.

– Значит, будем ждать, – сказал Эрнест. – И если ожидание затянется, то будет не лишним, оставить на столе припасы.

Юна одарила Эрнеста самым обыкновенным взглядом, составила последнюю ненужную посуду и пошла к выходу, подтягивая за собой тележку. Она, конечно, оставила им пироги, печенье и графины с напитками.

– Спасибо, – почти хором крикнули дети, но Юна никак на это не отреагировала, только хмыкнула и ушла.

– Обожаю вот таких общительных людей, – со смехом сказал Эрнест.

– А ты знаешь, что не всегда с помощью юмора можно завести друзей? – спросила Соня, искоса глядя на Эрнеста.

– Так говорят люди, не имеющие его, – отпарировал Эрнест.

– Думаю, вы оба правы, – вмешался в разговор Шах. – Все люди разные и к каждому нужен свой подход. Хотя как по мне так веселые люди гораздо интереснее.

– Полностью с тобой согласен! – воскликнул Эрнест и даже подпрыгнул слегка оттого, что с ним согласились. – Я, например, очень интересный человек и благодаря этому со мной не бывает скучно.

– А еще, благодаря этому, у меня уже начинает болеть голова, – огрызнулась Соня, которой не понравилось, что Шах встал на сторону Эрнеста.

– Хватит вам кусаться! Если вы не заметили, то та дверь закрыта и эта, по всей видимости, тоже, – сказал Мат, подергав за ручку дверь в другом конце вагона.

– О, изумительно! Мы еще и заперты! – вырвалось у Эрнеста.

– Не вопи, – строго сказал Мат. – В конце концов, кто-нибудь заявится, и мы должны быть готовы.

– Готовы к чему? – тихонечко спросила Люси, как будто

у самой себя.

– Хотя кто-то из вас помнит, почему мы здесь? – задала хороший вопрос Соня, чем сразу привлекла к себе внимание.

Вся странность заключалась в том, что после того, как поезд начинал движение, все пассажиры незаметно забывали, как именно они в него попали. Так было лучше всего и для них и для постоянных обитателей состава.

– Чёрт его знает, почему? – выругался Мат. – Шах, прояви смекалку или удиви меня своей могучей памятью и скажи, как мы здесь оказались.

– Я бы очень хотел тебя порадовать, но не могу, – ответил Шах и тут, же призадумался. – Знаете, я почему-то твердо уверен, что вошли мы сюда по собственной воле.

Его слова немного успокоили остальных детей и даже внушили какое-то доверие к этому месту.

– Тогда, раз все почти прояснилось, может, съедим по пирожку? – шутливо предложил Эрнест и пошел к столу.

Подростки приняли предложение Эрнеста. Все, кроме Мата, которого больше волновала не его сытость, а сложившаяся ситуация. Сейчас ему не хотелось грубить и спорить, ему хотелось подумать и желательно в полной тишине. Но, так как он не мог создать себе такие условия в данный момент, то просто отошёл к окну. Другие ребята не стали его тревожить. Они решили, что будет совсем не лишним, если хоть кто-то из них, хоть что-то сообразит.

Только Эрнест открыл рот, чтобы откусить кусочек от второго эклера. Как вдруг в вагон вошла тетушка Фанни. Лицо её было довольным, улыбающимся и даже в походке чувствовалась какая-то легкость.

— Ну, что милые мои, как обед? Видели, какая сегодня погода, просто подарок! — сказала она и оглядела всех своими блестящими глазами. — А, вы я смотрите, засучали.

— Обед превосходный! — ответил Эрнест с набитым ртом. Он всё-таки откусил эклер, и теперь его лицо было измазано кремом. Выглядело это довольно смешно и как-то по-детски, мило.

Эрнест явно намеревался еще что-то добавить к своим словам, но его перебил Мат.

— Заскучать тут у вас сложновато, — сказал он, продолжая стоять у окна с всунутыми в карманы штанов руками. — Вы обещали ответить на наши вопросы. Уже можно задавать?

— Разумеется, юноша, — ответила тетушка Фанни с наигранной серьезностью.

— Зачем мы здесь? — спросил Мат и чуть заметно качнулся вперед, придавая этим движением важность своему вопросу и серьезность своему характеру.

— Это путешествие! — воскликнула повариха. — Вы увидите так много всего необычного! Сможете поучаствовать в самых невероятных приключениях! Это гораздо интересней вашей обычной жизни!

— И сколько мы здесь пробудим? — спросила Люси.

– Точно сказать не могу, – ответила тетушка Фанни. – У всех по-разному.

– А в поезде есть еще кто-нибудь или едем только мы? – спросил Шах.

– Только вы. Есть еще, конечно, парочка так сказать, обитателей этого поезда и вы обязательно с ними познакомитесь. Как только они перестанут выкаблучиваться и выйдут из своего купе. Еще вопросы?

Тетушка Фанни отвечала детям стоя во главе стола. Так она чувствовала себя более уверенно. С этого места она хорошо всех видела и могла по лицу уловить смену настроения того или иного субъекта. Разумеется, она не говорила им всей правды, ведь это было не допустимо.

Спустя некоторое время, стало понятно, что подростки больше требовали ответов, хотя у них самих, толком даже не оказалось вопросов. Услышанное ими от поварихи, особо не проясняло их положение. Вроде, хотелось еще что-то спросить, но что?

Всем понятно, что они в поезде, что их никто не обижает, что их ждет увлекательное путешествие и что кормят их довольно вкусно. Возможно, эта милая женщина их обманывает? Но, как это узнать?

– А куда мы едем именно сейчас? В какой город? – спросил Эрнест.

– Сейчас мы держим путь на станцию плотов, – ответила тетушка Фанни. – Вам там понравится! Кругом так много

воды, чистой, прозрачной, а столько зелени вы отродясь не видели! Природа там совсем не похожа на здешнюю, но вас это не разочарует.

Мягкий голос тетушки Фанни делал своё дело. Дети слушали очень внимательно, боясь даже пошевелиться. Для них, она как будто рассказывала сказку, и они с воодушевлением её слушали.

– Солнце там такое теплое, ласковое, а в ночном небе всегда светит месяц и крупные, блестящие звезды. Вы познакомьтесь с жителями самой красивой деревушки и чему-нибудь обязательно научитесь.

– Вот это круто! – выкрикнул Эрнест. – И сколько мы будем ехать до этой станции?

– Не долго, – ответила повариха. – Но, не думайте, что в дороге вам будет скучно, нет. В этом поезде много всего занимательного.

– Когда нам можно вернуться в купе? – спросила Соня, щелкая под столом пальцами рук.

– Когда захотите, но сначала, я предлагаю вам совершить экскурсию по нашему поезду.

– Экскурсия! Обожаю экскурсии, – сказал Эрнест и встал со стула. – Я готов. Можем идти.

– Хорошо. Кто еще хочет пойти? – играючи спросила тетушка Фанни.

– Я пойду, – сказал Мат.

– Я бы тоже хотела посмотреть, – тихонечко сказала Люси.

– Ну, раз все идут, тогда и я пойду, – сказала Соня и встала со стула.

– Значит, принято единогласно, – сказала тетушка Фанни и засмеялась. – Сегодня мы вряд ли успеем посмотреть всё, так как работы у меня ещё много, но, возможно, вечером кто-нибудь другой продолжить знакомить вас с нашим поездом времени.

– Пускай это будет тот жизнерадостный паренёк, чем та строгая женщина, – сказал Эрнест и смущенно взглянул на тетушку Фанни.

– Я учту ваши пожелания, – ответила повариха и подмигнула Эрнесту. – Но, обещать ничего не стану. Работы здесь для всех хватает и у того милого паренька, её не меньше, чем у остальных.

– Так если вам нужна помощь, только скажите, – произнес Шах, слегка косясь на брата.

– Да. Мы будем рады помочь, – сказала Люси, больше для того, чтобы поддержать Шаха.

– Большое спасибо, ребятки, но это не ваши заботы, – ответила тетушка Фанни. – Тем более, я смотрю, что не всем по душе ваша идея.

Она говорила про Мата и Соню. Они стояли с серьезным видом и явно ругались про себя. Видно было, что они совсем не в том настроении, чтобы помогать кому-то. Когда они поняли, что речь идёт о них, то постарались придать своим лицам более приветливое выражение.

Только тетушку Фанни не обмануть такими фокусами. Она привыкла приглядываться к людям и могла понять все без слов. Дети этого пока не знали и пытались казаться загадочными. Хотели, чтобы никто не догадался, что происходит у них в голове. Так делают многие люди в четырнадцатилетнем возрасте – пытаются казаться другими, не такими, какие они есть на самом деле.

– Ну, хорошо. Если мы можем что-то для вас сделать, то мы с удовольствием рискнём, – сказал Мат.

Эрнест и Соня захихикали, а Шах недовольно посмотрел на брата. К удивлению подростков, тетушка Фанни несколько не рассердилась, а наоборот, только шире улыбнулась, а про себя подумала, что этот парнишка наверняка найдет общий язык с Франциском.

– Не будем рисковать, а начнем экскурсию, – сказала повариха. – Начнем по порядку. Это, как вы уже поняли, наша столовая. Там где вы ждали распределения – наш вагон для отдыха и совместного времяпровождения. – А там тоже есть такие чудеса? – спросила Люси, показывая рукой на занавески.

– О, да! – ответила тетушка Фанни. – Там много всякого такого. Но, есть тут места и поинтересней, например моя кухня. Хотите посмотреть?

Дети дружно закивали головами. Кому-то из них, в действительности хотелось посмотреть, что же такого удивительного может происходить на кухне, а кому-то просто на-

доело сидеть на одном месте.

– Тогда, за мной, – скомандовала повариха. – Мы пройдем через вагон для отдыха, и вы сможете сразу все посмотреть. Через него мы попадём в мою кухню.

Войдя в вагон для отдыха, дети сразу услышали музыку. Это рояль играл сам для себя свои любимые мелодии. Откуда-то появилась большая клетка, которая стояла возле рояля. В ней сидело четыре попугая средних размеров, и они напевали что-то похожее на колыбельную.

На первый, быстрый взгляд, детям показалось, что все в этом вагоне абсолютно живое.

– А почему мы не видели этого, когда были здесь в первый раз? – спросила Соня.

– Потому что это вполне обычный поезд, до тех пор, пока не начнет движение, – ответила тетушка Фанни. – Хотите осмотреться?

– Дайте нам пару минут, – сказал Эрнест и, не дожидаясь ответа, направился к птичьей клетке.

Другие дети тоже начали расходиться по вагону и каждый останавливался у того предмета, который казался ему наиболее интересным. Люси подошла к горшку с необычным растением, цветы которого быстро меняли цвета. Шах остановился у рояля и принялся внимательно его рассматривать. Увидев большой холст над роялем, он решил спросить у тетушки Фанни, почему он пуст, но решил подождать. Мата заинтересовало окно. Медленно, шаг за шагом, на нём вы-

страивалась картинка из цветной мозаики, как будто внутри, между двумя стеклами. Мат стукнул по стеклу указательным пальцем, и картинка рассыпалась и скатилась куда-то внутрь. Потом все началось сначала, только в этот раз на стекле медленно начал появляться другой шедевр. Соня, после недолгих раздумий, решила составить компанию Эрнесту.

Тетушка Фанни не торопила детей. Это ведь для неё все здесь было обыденным. Это она уже не воспринимала это, как что-то волшебное. Зато она всегда знала, какое впечатление этот поезд оказывает на пассажиров. Когда-то она сама была поражена этим, но это было так давно, что многие детали уже стали исчезать из её памяти. Поэтому, она незаметно села на один из диванчиков и старалась не мешать детям.

Минут через двадцать, повариха решила обратиться к ним:

– Не хочу отрывать вас от ваших занятий, но нам пора двигаться дальше. Сюда вы вернетесь еще не раз, а вот на своей кухне я никого не оставляю без присмотра. Так что, давайте я покажу вас свои владения.

– Отличная идея, – сказал Эрнест. – Значит, мы можем свободно разгуливать по поезду, без сопровождения?

– Разумеется! – ответила тетушка Фанни.

– Но, мы не можем заходить на кухню, если вас там нет. Почему? – спросил Эрнест и приподнял одну бровь.

– Сейчас вы сами все увидите, – сказала повариха.

Войдя в вагон, который тетушка Фанни скромно называла *своей кухней*, подростки были поражены. Вы уже знакомы с этим местом, так что вполне можете представить лица детей, которые увидели всё своими собственными глазами.

Повариха вошла в кухню, как единственная хозяйка. Почти так же, как король входит в свой тронный зал, а вот дети вновь застыли на месте. Всё, что предстало их взору, было в равной степени и удивительно и невероятно. Всю свою жизнь, они думали, что такое может происходить только в сказках, а теперь они столкнулись с этим наяву.

Дети не знали, что делать. Они просто хотели казаться бесстрашными. И может быть, между собой у них это получалось, но вот среди людей постарше и поопытней, это не работало. Кстати, для тех, кто читает – это никогда не работает.

Прожив достаточно много, для того, чтобы понимать детей, тетушка Фанни не просто видела, она чувствовала их смятение. Сейчас её главной целью было успокоить детей и внушить им чувство безопасности. Это одна из самых важных вещей, которую должны знать и применять взрослые люди.

– Если кто-нибудь захочет составить мне компанию в приготовлении ужина, я буду только рада, – ласково сказала повариха.

– Возможно, это буду я, – сказал Эрнест. – Я конечно совсем не умею готовить, но вид самоочищающейся картошки,

наводит на мысль, что у меня получится.

Все засмеялись и постепенно обстановка на кухне перестала быть напряженной.

Глава 6

После того, как дети от души повеселились на главном рабочем месте тетушки Фанни, она отправила их в вагон для отдыха. Как бы она не любила посторонних на своей кухне, повариха все же разрешила им всё рассмотреть, потрогать и даже немного поиграть.

Подростки чуть с ума не сошли, после того, как увидели фокус с водой на скорую руку. Тетушка Фанни вылила воду из графина над столом и та повисла в воздухе. После повариха начала придавать воде всевозможные формы и по кухне запрыгали и забегали миниатюрные водяные существа. Тетушка Фанни сделала детям перчатки из воды и небольшой мячик, чтобы те смогли поиграть в совершенно невообразимую игру. В конечном итоге, все остались довольны.

Когда дети остались в вагоне для отдыха одни, между ними завязался очень долгий и интересный разговор. С виду они напоминали рой пчел, который шумит не останавливаясь. За короткий промежуток времени с ними случилось столько всего невероятного, что не говорить об этом, они просто не могли. Столько обсуждений не услышишь даже в Государственной Думе. Особенно в эти времена.

– Я даже не знаю, как правильно на это реагировать, – ска-

зала Соня и села в одно из кресел. – Всё это похоже на абсурд!

– У меня тоже смешанные чувства, – сказала Люси и присела на краешек диванчика. – Я просто так и не поняла, где мы? Таких поездов на самом деле не бывает!

– Не волнуйся, – спокойно сказал Шах и подошел к Люси. Он положил свою руку ей на плечо, чем чуть-чуть её успокоил. – Возможно, дальше все станет понятнее.

– Поражаюсь твоему спокойствию, брат, – сказал Мат и плюхнулся в кресло рядом с Соней. – Нас везут в неизвестном направлении незнакомые люди, в транспорте, из которого не так-то просто свалить, но ты отчего-то в прекрасном настроении. Как тебе это удаётся. Медитация? Сигареты? Любовь?

После последнего вопроса Шах слегка смутился. Он знал, что брат способен заметить возникшую у него симпатию к Люси, поэтому решил быстро отшутиться.

– Макароны! Они делают меня безумно счастливым.

– Ха-ха, – отозвался Мат, после чего откинул голову и закрыл глаза. Он не стал привязываться к брату на глазах посторонних людей и посчитал более правильным просто замолчать.

Может быть, кто-то и хотел бы развить эту тему, но «перешагнуть» через Мата пока никто не решился. Шах сразу это понял, поэтому эмоционально расслабился. Чего нельзя было сказать о Люси, которая тоже поняла, куда клонит Мат,

но решила не придавать этому значения. Да и поверить в это, было для неё не так-то просто.

– Знаете, я думаю, нам надо расспросить об этом месте того паренька, как его там зовут? – спросил Эрнест.

– Хуффи, – ответили Люси, которая всегда была внимательна к именам и фамилиям. С самого раннего возраста, она считала, что самое главное – это запомнить имя человека, чтобы при встрече не возникло никакой неловкости.

– Точно. Вот нам надо с ним поговорить, – сказал Эрнест и внимательно посмотрел на других подростков.

– Какой бы прекрасной не казалась тебе твоя идея, она всё равно хреновая, – отозвался Мат, даже не меняя позы в кресле.

– Почему? – спросил Эрнест.

– Помнишь, как он разговаривал с нами, когда показывал купе? Игриво, но без деталей. Тоже он сделает и в следующий раз.

– Мат прав, – сказала Соня. – Откровенничать с нами здесь никто не будет.

– А если и будут, то уж точно не скоро, – сказал Шах. – Сдаётся мне, нам просто нужно потерпеть.

На последние слова Шаха, некоторые отреагировали, как на хлыст. Даже Мат слегка приподнял голову и прищурясь посмотрел на брата.

– Может, чем-нибудь займемся? – спросил Эрнест. – Давайте, исследуем это место. Вдруг мы сами сможем все

узнать, и нам тогда не потребуются ответы от других.

– А вот эта идея мне по нраву! – воскликнул Мат и резко соскочил с кресла. – Разделяться мы не будем, ведь именно так начинаются все фильмы ужасов. Мы, всей толпой, не разбредаясь в разные стороны, пойдем и постараемся хоть что-то выяснить самостоятельно.

– А если нас поймают? – спросила Люси и как то громко сглотнула.

– Скажем, что решили осмотреться или то, что у Мата приступ паники, а его психиатр посоветовал ему больше ходить в такие моменты, – ответил Шах и засмеялся.

– Отлично! Будем придерживаться версии про психиатра, – сказал Мат с улыбкой.

– Так, если мы пришли сюда из того вагона, – сказал Шах и показал рукой направо, – тогда, нам нужно идти в тот вагон. Там столовая, за ней должен быть вагон, где находятся наши купе. А, вот, что дальше?

– Чего стоять и болтать! Пошли уже разведывать местность, – с нетерпением сказал Мат и первый начал продвигаться к намеченной двери.

– Подождите, – сказала Соня и огляделась по сторонам. – Кто-нибудь знает, сколько сейчас времени?

Шах и Эрнест в одно мгновение оба посмотрели на свои наручные часы, но сказать им было нечего. Оба циферблата показывали ровно восемь часов утра. Но, ведь так быть не могло, и они это знали.

– Сколько там? – вновь спросила Соня.

– Восемь, – осторожно ответил Эрнест.

– Как восемь? Чего восемь? – с непонимающим видом спросила Соня.

– Восемь утра, – ответил Эрнест и пожал плечами, давая понять, что сам ничего не понимает.

У остальных вид был не менее озадаченным, чем у Эрнеста. Мат остановился, Люси съёжилась, и всем опять стало как-то не уютно.

– На твоих тоже восемь утра? – спросил Мат у брата. Сам он часы никогда не носил. Считал это нецелесообразным и не нужным атрибутом.

– Да, – ответил Шах.

– Кто-нибудь видел в этом поезде часы? Любые? – спросил Мат у коллектива.

– Нет, – первой ответила Соня.

– Нам предстоит самим разгадать эту загадку, – торжественно объявил Эрнест, как всегда, надеясь на то, что его юмор оценят. – Да, ладно вам! Неужели среди вас нет никого такого же остроумного, как я?

– Я тебе уже говорила, по поводу твоего юмора, – резко отозвалась Соня. – Он не всегда уместен.

– Так же, как и твоё хамство, – огрызнулся Эрнест.

– Перестаньте, пожалуйста, – спокойно сказала Люси, которая сама еле-еле держала себя в руках. – Давайте не будем ругаться, а просто подумаем, что нам делать.

– Мне кажется Люси права, – сказал Шах и посмотрел сначала на неё, а потом на всех остальных. – Мы вроде как собирались осмотреть поезд. Так почему мы еще здесь? Пошли!

– Может где-нибудь там и часы найдутся, – предположила Люси.

Медленно идя друг за другом, подростки осматривали все вокруг. Они не стали задерживаться в столовой, так как уже провели там достаточно много времени и успели оглядеться. Войдя в вагон, где располагались их купе, дети решили осмотреть всё в них.

– Каждый пошарит в своём купе и при обнаружении чего-то странного, как бы по-идиотски это не звучало, сразу зовет всех, – сказал Мат.

– Хорошо, когда на корабле есть капитан, – пошутил Эрнест, и в этот раз даже Соня захихикала, чем очень его порадовала.

Подростки разошлись по своим купе и начали досконально осматривать и обшаривать помещения. Сначала было скучно и напоминало рутинную уборку в своей комнате, но потом, почему-то стало интересно. Каждый представлял себя каким-то детективом, обязанным раскрыть тайну загадочного поезда. Они заглядывали под каждый предмет, который лежал, стоял или висел на стене. Им нужно было хоть что-то найти.

Эрнест решил начать с прикроватной тумбочки. Скорее всего, именно потому, что дома всегда складывал все самое

ценное в свою тумбочку. Глубоко внутри он нашел что-то прямоугольное, завернутое в хлопковую тряпочку, которая когда-то была белой, а теперь приобрела совершенно другой оттенок.

Любопытство перевесило желание позвать остальных и Эрнест сев в кресло, осторожно развернул неизвестный предмет. Это оказалась потрёпанная колода карт, но не такая к которой все привыкли. Колода была чуть больше размером и изображения на ней были какими-то странными.

Учитывая то, что Эрнест отлично разбирался в картах, так как повидал их великое множество – такие он не видел никогда. Он коллекционировал карты из разных городов и даже стран. Родители Эрнеста были вполне состоятельными людьми и могли себе позволить подарки для своего единственного сына, а он всегда просил только игральные карты.

Люси, оказавшись вновь в своём купе, не знала с чего начать. Ей по-прежнему не хотелось ничего трогать. Лишь одно побудило её к действиям – данное другим обещание все исследовать. Благодаря этому, она осторожно подошла к кровати и принялась поднимать подушки, одну за другой. Люси сама не понимала, зачем она это делает и что там можно найти. Лениво перекладывая подушки, она случайно бросила взгляд на пол. Под небольшим столиком она заметила плетёную корзину. Ей вдруг стало интересно, что может там лежать и почему она не заметила эту корзинку, когда была здесь в первый раз.

Люси оставила в покое подушки и не спеша наклонилась к корзине. Аккуратно взяв её двумя пальцами, она подтянула её к себе. В ней оказалось то, о чём Люси мечтала уже около двух часов. Это была разноцветная пряжа и спицы и всё это было такое красивое, что она, устроившись поудобнее на полу, сразу решила повязать.

Соня вошла в купе с усталостью и с абсолютным нежеланием что-то выискивать. Всё, что она хотела в данный момент, так это поспать. Как будто кто-то в голове тихонько пел ей самую прекрасную колыбельную, и противиться сну становилось сложнее с каждой секундой.

Она все же заставила себя посмотреть в шкафу и на полке, но на большее сил не хватило. Соня сначала села на кровать, сладко зевнула и потянулась. После чего, она решила, что может себе позволить прилечь на пару минут.

В последнее время Соня спала мало, видимо из-за постоянной нервозности и бесконечных пустых переживаний. Иногда ей приходилось засыпать по три, четыре раза за ночь и поначалу, это приводило её в бешенство. Со временем, реакция стала более спокойной, потому что, всё это стало просто частью жизни. И вот сейчас, Соня лежала на самой удобной кровати в её жизни и с радостью засыпала.

Шах подошел к заданию более ответственно, чем другие подростки. Он скрупулезно осматривал каждый ящик, полки, картины, предметы на столе. Даже настольную лампу он оглядел со всех сторон. Ничего странного. Обычные вещи.

Шах почти отчаялся что-либо найти и тем самым произвести нужное впечатление, как вдруг на полке что-то засветилось. Паренёк не сразу понял, что это. Только когда он подошел поближе, то смог разглядеть книгу, от которой почему-то шёл неестественный свет. Шах протянул к ней руку, но на секунду остановился, почувствовав исходящее от книги тепло. Там где взрослый человек подумает три раза, подросток не подумает и полтора, поэтому Шах крепко ухватился за книгу и резко сдернул её с полки.

Книга была большая и тяжелая, так что держать её одной рукой было неудобно. Шах быстро положил её на кровать и присел рядом. Книга манила к себе и не позволяла думать ни о чем другом.

Все были заняты, только Мат не знал, куда себя деть. Все предметы, окружавшие его, казались обыкновенными и не представляли ни малейшего интереса. Ему хотелось найти что-то важное, что-то, что сразу даст ответы на все вопросы.

Но, ничего не находилось, и Мат начинал злиться. Он-то сидел, то вставал и быстро ходил от стены к стене, раздумывая и предполагая. Когда злость уже невозможно было удерживать в себе, Мат сильно ударил кулаком по стене и сам того не ожидая, попал в нужное место. От удара одна из книг свалилась с полки, но оказалась вовсе не книгой. Это была шкатулка, из которой на пол высыпалось много белых кусочков, напоминающие те, из которых собирают пазлы. Вот только они были полностью белые с обеих сторон.

Мат сгрёб все обратно, взял шкатулку и сел на кровать. Он немного подтянул к себе прикроватную тумбочку и высыпал на неё содержимое шкатулки. Как обычно, надо было убить время, раз ничего не нашлось, и Мат принял решение собрать эти кусочки вместе, даже не подозревая, что случится потом.

Весь вагон погрузился в тишину. Подростки не переговаривались между собой, не смеялись и не выходили из своих купе, хотя двери у всех были открыты. Сами того не замечая, дети занялись тем, чем хотели и напрочь забыли про первоначальный план.

– Чего притихли, молодежь? – раздался голос Хуффи, совершенно неожиданно для всех. – Спите, что ли?

Молодежь, как выразился Хуффи, даже вздрогнула от такой неожиданности, так как не ждала такого шумного вторжения. Соня открыла глаза, пытаясь понять, что её разбудило, а остальные уставились в свои дверные проёмы, в ожидании увидеть нарушителя тишины. Так как Эрнест находился в купе номер один, то именно ему посчастливилось увидеть Хуффи первым.

– Не обязательно так орать! – высоким тоном сказал Эрнест. – Я чуть из штанов не выпрыгнул! Случилось чего?

Остальные подростки нехотя оторвались от своих занятий и повыглядывали из своих купе с разной высоты. Кто подполз, кто подскочил, в общем, кто как смог, высунулся из своего временного жилища. На лице Хуффи удивление было

не меньше, чем на лицах детей. Не оттого, что он не знал, что тут происходит, а скорее от их мгновенной реакции. Хуффи давно не общался с подростками и почти забыл, что они реагируют на многие вещи не так как взрослые люди.

– Ничего не случилось, – сказал первый помощник поезда. – Просто тетушка Фанни велела позвать вас на ужин.

– На ужин? – выкрикнула Соня, которая показалась в проёме последней. – Как на ужин? Я, что весь день проспала, что ли?

Тут впервые за все время, проведенное в купе, Мат посмотрел в окно, за которым темнота равномерно опускалась на землю. После, он медленно перевел взгляд на загадочный пазл, который так и не удалось собрать полностью, а потом снова на окно. Движения его были неторопливые, скованные, потому что всё тело затекло от многочасового сидения в одном положении, но как это получилось, Мат не мог ответить даже сам себе. У других пассажиров этого вагона было точь-в-точь такое же состояние и почувствовали они это только тогда, когда их окрикнул Хуффи. Они как будто вынырнули из глубины и теперь им требовалось время, для того чтобы прийти в себя.

– На ужин, так на ужин, – спокойно сказал Мат и вышел из купе в коридор вагона. – Голодные есть?

– Есть! – ответил Шах и посмотрел на брата. Они всегда смотрели друг на друга. Это придавало им храбрости, а когда надо, утешало без слов.

Постепенно подростки вышли из своих купе и направились вслед за Хуффи, которому по-прежнему было поручено проводить и приглядеть за детьми. Хотя особой надобности в этом уже не было. Молодые люди быстро сориентировались на месте и могли вполне самостоятельно передвигаться по тем вагонам, к которым у них был доступ.

В столовой уже все было готово. Тетушка Фанни снова постаралась на славу. Блюда были просто роскошные. Кое-что здесь изменилось и это сразу бросилось в глаза. Во-первых, на столе стояли красивые подсвечники, сделанные из какого-то странного материала, которые меняли форму, и дети не сразу поняли, что этот материал, всего лишь вода. На стенах, ближе к потолку, висели круглые фонарики, которые источали мягкий желтый свет. Их было тут примерно около двадцати и поначалу казалось, что это больше, чем нужно, но это было неверно. Как только дети сели за стол, около десяти фонариков слетели со стен и подлетели к ним. Они повисли над столом и стали плавно двигаться друг за другом, образуя светящийся круг. Это было неописуемо красиво.

Дети потихоньку начали привыкать к всевозможным невероятным вещам в поезде, но от такого взвизгнул бы даже взрослый человек. Это как если бы вам удалось побывать на сказочном пиру. Дух захватывает! Подростки осторожно прошли к своим местам за столом и сели ровно там, где сидели в обед. Это как-то само получилось, рефлекторно. Чего метаться, когда места уже выбраны.

Хуффи молчал. Дети молчали. Все ждали толи команды, толи старшего за столом, который бы начал есть первым, тем самым, давая разрешение другим приступить к еде. Но, ничего не было. Никто не входил, никто ничего не говорил. Мальчишки начали изредка поглядывать на Хуффи, в надежде, что он подаст какой-то знак. Девочки были увлечены светящимися шарами над столом, подсвечниками и их не так сильно манили аппетитные запахи.

– Хуффи, – позвал шепотом Эрнест. – Когда есть-то, разрешат?

– А вы разрешение ждете? – в недоумении спросил Хуффи. – Да вы что, с ума сошли! Если хотите, то берите и ешьте, а если нет, то нет. Можете идти и заниматься своими делами.

– Нет уж! – выкрикнул Эрнест. – Дела подождут. При таком обилии продуктов на столе, мне вряд ли захочется просто уйти. Ну, что друзья, попробуем эти яства?

– Думаю, надо, – ответил Шах, у которого уже давно урчало в животе.

Ели молча. Хуффи, который выполнил своё задание, поспешил удалиться, так как ужин был в самом разгаре не только у гостей поезда, но и у постоянных его обитателей, которые предпочитали трапезничать на кухне. На ужин даже Зорий выходил из своей кабины, а поезд продолжал движение без своего машиниста, как будто понимал, что тому тоже нужен отдых.

– Как проходит наш путь по снежным долинам? – спро-

сила тетушка Фанни у Зория, который уже сидел за столом и вовсю уплетал нежнейшие голубцы, приготовленные по фирменному рецепту поварихи.

– Нормально, – ответил машинист. После чего откусил кусок от голубца, засунул в вдогонку хлеб и всё сначала запил горячим чаем, а уж потом начал жевать.

Такая не особо милая привычка Зория слегка травмировала психику тетушки Фанни, которая привыкла к внимательному и спокойному поглощению пищи.

– Хоть кто-то видел сегодня нашего охламона? – завела тетушка Фанни разговор о Франциске и присела за стол к остальным.

– Нет, – ответил первым Хуффи.

– Я его тоже сегодня не встречала, – сказала Юна, предвзвительно проживав еду, чтобы не получить замечание от поварихи.

– А у меня так вообще не спрашивай. Я из своей конуры выхожу не так часто, а в гости ко мне никто не торопится, – сказал Зорий с обидой в голосе. – Спасибо, хоть Хуффи забегает, а то я бы совсем забыл, как выглядят люди.

– Не тебе жаловаться, – сказала тетушка Фанни и улыбнулась, в ответ на сдвинутые брови Зория. – Здесь, знаешь ли, у каждого обязанностей больше, чем прав, так что, ничего не поделаешь. Давай, доедай и иди, поспи маленько, а Хуффи приглядит за твоим поездом.

– Спасибо, Фанни, – ответил машинист. – Устал я сегодня.

А весельчак то наш, значит всё еще в образе?

– Естественно! – сказала тетушка Фанни с непонятной интонацией. – Надо бы ему еды отнести, а то сидит целый день голодный. Юна носила ему обед, так ведь не взял, паршивец! И, еще поговорить бы с ним надо.

– Я не пойду, – быстро среагировал Хуффи. – Он меня все равно слушать не станет.

– Полагаю, что ему будет полезнее пообщаться с поколением постарше, – сказала Юна. – Хотя, послушает он только вас, тетушка и нам смысла нет пытаться.

– Это верно! – хмуро произнес Зорий. – Приучила ты его к этим беседам. Вот приходится теперь нянчиться с ним, как с младенцем. А, давай-ка, я к нему схожу! Напомню, ему о том, как должны вести себя мужчины!

– Лучше не надо, – остановила машиниста тетушка Фанни. – Сделаешь только хуже. Завтра денёк не из легких и мне будет необходима его помощь. Как и вам, кстати. Ладно, что толку спорить. Надо идти.

Тетушка Фанни начала неспешно собирать на разнос ужин для Франциска, обдумывая предстоящий разговор. Стоит заметить, что такие разговоры были не редкость и она, благодаря своему нечеловеческому терпению, с достоинством выдерживала их от начала и до конца. Она оставила уборку на Юну, а сама пошла к шуту. Тетушка Фанни не знала, сколько времени займет их очередная душевная беседа, поэтому сразу отдала все поручения, чтобы полностью

посвятить себя разговору и не волноваться о работе.

В этот вечер дети больше не доставляли никаких забот. Они поели практически в полной тишине, а потом разошлись по своим купе. Им не терпелось вернуться к тем занятием, которые они оставили, да к тому же темнота навивала непонятную грусть и желание остаться в одиночестве.

Первый день в поезде времени плавно подходил к концу и каждый провожал его со своими, никому не рассказанными мыслями.

Глава 7

Ночь прошла без сюрпризов. Единственным, блуждающим по ночному поезду человеком, был Франциск. Не то, чтобы ему не спалось, хотя да, скорее всего ему, правда, не спалось. И это было не потому, что он сильно переживал и метался по кровати не в состоянии привлечь к себе сон. Просто он выспался в течение дня, во время своего самовольного заточения и теперь не хотел закрывать глаза.

Разговор с тетушкой Фанни, как всегда был насыщенный и в меру приятный. Франциск не любил людей, которые приходили к нему со своей критикой. Он никогда не настаивал на похвале, но и в осуждениях не нуждался.

Утром, ровно в девять часов, по всему поезду пронесся оглушительный петушиный крик. Голос у Солиста был звонкий, яркий, с легким напылением наглости. Это был своего рода будильник и с непривычки многие проснулись быстро и

с испуганным лицом. Конечно, были и такие, кто ничуть не удивился подобному звуку и даже ждал его, чтобы начать будить собственную голову. В основном, это были люди, некогда проживавшие в деревнях и сёлах, где еще водились такие птицы. Или те, кто уже не первый раз проводил здесь ночь.

Наша молодежь была к этому абсолютно не готова. Поначалу, они даже не могли понять, где проснулись. От резкого пробуждения в голове вообще не было никаких мыслей, и загнать туда хоть какую-нибудь мыслишку, было не простым делом. Кто бы мог подумать, что тихая и скромная девочка Люси, окажется самой собранной. Единственное, что озадачило её в это утро, так это то, что она не могла вспомнить, почему она в такой пижаме. Ей почему-то казалось, что она брала из шкафа белую пижаму с одним аккуратным кармашком на груди. Однако отчего-то вдруг она проснулась в красной пижаме в белый горох. Совершенно не приемлемая для неё расцветка.

Люси решила отложить воспоминания по этому поводу на потом и поскорее умыться и переодеться. Она была твердо уверена, что совсем скоро их позовут на завтрак, и она хотела быть полностью готова к этому моменту. Чего нельзя было сказать про других подростков.

Мат, например, вообще не собирался вставать. Ему было так тепло и уютно, что вылезти из-под одеяла приравнивалось к сумасшествию.

Шах был на полпути к подъёму. Он уже высунул обе ноги

и почти спустил их на пол, но на этом остановился. Торопливость у этой семьи явно не была на первом месте.

Соня сидела на кровати и любовалась видом из окна. Она незаметно для себя теребила краешек подушки и совершенно не хотела двигаться. Она тоже не помнила о том, как оказалась в этой пижаме чудовищной темно-розовой расцветки, но ей было плевать. На самом деле, сейчас она была где-то очень далеко, поэтому внешний вид её не беспокоил.

Эрнест был самым веселым среди проснувшихся детей. Он любил начинать день с радостью и широкой улыбкой, и этот день не был исключением. Никогда еще ему не приходилось просыпаться под крик настоящего петуха, и это новшество пришлось ему по душе. Он легко адаптировался в этом месте и проснулся уже как у себя дома. В плане утренних сборов, Эрнест, скорее всего, был ближе к Люси. Не то, чтобы он боялся, что его застанут в неподобающем виде: в странной пижаме с шортами, растрепанного и неумытого, а просто потому, что родители всегда учили его не заставлять себя ждать.

В то время, когда дети встречали своё первое утро в поезде, своё, далеко не первое утро начинала тетушка Фанни и её друзья. Её кухня вновь ожила, и всех обитателей поезда потянуло туда на вкусный, дразнящий запах уже готовых блюд. В первое утро повариха предпочитала готовить блинчики и оладьи, с огромным количеством разного варенья и мёда. Из напитков обязательно присутствовало молоко, а для любите-

лей горячих напитков, на столе стояли какао и чай. Все было в простой, белой посуде, на обычной хлопковой скатерти.

Когда тетушка Фанни и Юна уже заканчивали накрывать на стол для детей из тридцать третьего вагона, как вдруг, совершенно неожиданно к ним вошел Франциск. Ему не хотелось разговаривать. Он поприветствовал дам кивком головы, спокойно прошел по вагону, выбирая лучшее место, а потом просто сел на один из стульев. На женщин Франциск старался не смотреть, чтобы не вызвать у них желание поболтать с ним.

Юна слегка подтолкнула повариху и ухмыльнулась. Дескать, наконец-то, выполз из своей конуры их преданный друг и помощник! Но, тетушка Фанни резко оборвала эти насмешки, так как прекрасно знала, что если сейчас спугнуть эту нежную натуру, то он уже не покажется до конца путешествия.

Стараясь не подавать виду, что он все же замечен коллективом, дамы не поднимая глаз, продолжали расставлять посуду. Никто не любил эту игру, но все продолжали в неё играть. Со стороны это может показаться глупостью, но ведь много что со стороны кажется глупость.

Франциск молча сидел и внимательно смотрел в никуда. Это его успокаивало и не давало возможности другим людям завести с ним разговор. Ведь когда видишь очень задумчивого человека, как-то не хочется его тревожить. Этого и добивался шут.

– Франциск, милый, ты здесь будешь завтракать? – осторожно спросила тетушка Фанни мягким голосом.

– Да, – ответил Франциск и сделал вид человека, нежелающего продолжать беседу.

– Хорошо, – спокойно сказала повариха и незаметно закатила глаза. – Тогда, я накрою для тебя здесь, а если тебе что-то понадобится, мы будем на кухне.

Франциск покорно кивнул головой, и бубенцы на его колпаке так же коротко звякнули. Он знал, что он нужен тут, но с каждой секундой находиться в поезде становилось для него невыносимо. Он уговаривал себя как мог. Давил, душил и скручивал все свои чувства, но это было лишь временным облегчением. Он устал. Устал так, что сил бороться с этими кошмарными, болезненными ощущениями уже не осталось.

Шут ничего не хотел, и ничего не представляло для него интереса. За свою нескончаемую жизнь в этом поезде, он уже перепробовал все и от нахлынувшего безразличия, стала болеть не только душа, но и тело. Франциск даже чувствовал, как кровь перетекает по его венам, как тянет мышцы и как будто завязываются внутри него крепкими морскими узлами. А боль в ногах просто сводила его с ума. Это была боль тех самых ног, которые уже не хотят никуда идти.

Правда, такие муки шут испытывал не всегда. Иногда ему даже становилось весело. Он ведь всё-таки шут! Стоило ему найти новое занятие или вспомнить давно забытое, он ненадолго становился сносным.

Хуффи уже позвал детей на завтрак, и они постепенно стали заполнять столовую. Мат не особо торопился поучаствовать в этом шествии. Он решил, что присоединится ко всем позже, так как есть особо не хотелось, как и собственно вставать с постели. Он был из тех людей, кто почти никогда не завтракает и при этом превосходно себя чувствует. По-крайней мере до полудня.

Само собой дети не ожидали увидеть незнакомого обитателя поезда, да ещё в таком шикарном наряде. Столпившись у дверей, они не знали точно, как надо себя вести именно сейчас. Все как-то растерялись, и это позабавило Франциска. Если бы они знали, сколько раз шут наблюдал такую реакцию у людей на его персону, то вид бы у них стал еще более удивленным.

– Чего столпились-то? – крикнул Хуффи, пытаясь растолкать детей. – Не накрыто, что ли?

Хуффи был из тех людей, кому ответы нужны сразу и быстро. Замешательство подростков сначала было ему не понятно, но протиснувшись между ними, он сразу все понял. Величественная персона Франциска грациозно сидящая на стуле и впрямь могла повергнуть в шок. Особенно тех, кто видел это впервые.

– Проходите! Не стоит его бояться, – шутливо сказала тетушка Фанни. – Этого молодого человека зовут Франциск. Он, своего рода, достопримечательность нашего поезда.

– Ага! – хихикнул Хуффи. – Как северное сияние. То есть,

то нет.

– Помолчи, – оборвал его Франциск, и все обитатели поезда слегка напряглись. Вид у шута был далеко не милый, так что дразнить его в это утро было не самым правильным поступком.

Дети быстро уловили напряженность, которая возникла в вагоне. Дети, они такие! Смотришь на них и, кажется, что они ничего не понимают, а они много чего понимают. Иногда, даже больше, чем взрослые.

– Ладно. Мир, – лениво сказал Франциск и посмотрел на Хуффи, а после оглядел вошедших в столовую детей с головы до ног. – Вроде нормальные с виду, но куда их все время несёт? Завтракать-то будем или так и простоим в сторонке? Окажите любезность, составьте компанию старому шуту.

– Доброе утро, – отозвался Эрнест, который долго пытался подобрать нужные слова, которые бы подходили к данной ситуации. Не найдя ничего подходящего, он решил начать с приветствия.

– И тебе того же, – сказал Франциск и улыбнулся. Надо было как-то растопить этот лёд, который сковал детей, прямо у самой двери и не давал им сделать ни шагу. – Проходите и давайте начнем трапезу.

Первым к столу подошел Эрнест, а остальные потихоньку, как будто по одной веревке, последовали за ним. Подростки ловко расселись по местам, чтобы не заставлять ждать этого чудесного человека в ярком наряде.

– Ладно, – мило сказала тетушка Фанни. – Перестань капризничать и познакомься с нашими гостями. Надеюсь, за столько лет ты научился хорошим манерам?

– О, да! Можешь за меня не волноваться, – ответил шут и слегка прищурился, как кот, укравший сосиску. Потом он перевел взгляд на детей, которые еще сидели без движения. – А мне говорили, что вас пятеро. А я вижу только четверых. Где еще один?

– Я могу за ним сходить! – живо отозвался Шах и встал со стула в надежде сбежать из вагона и предупредить брата.

– Не нужно, – сказала Юна, которая все это время молчала и была сторонним наблюдателем. – Я сама. А, вы не сидите, как каменные, а то еда остывает.

– И, правда, что-то мы заболтались тут, – спохватилась тетушка Фанни. – Ешьте, а мы дальше пойдем. Юна, иди, разбуди мальчонку и возвращайся ко мне.

После того как они вышли из вагона, в нем стало еще неуютнее. Франциск бросил себе на тарелку два блина и без аппетита стал выбирать глазами варенье. Дети решили последовать его примеру, так как сидеть, и смотреть по сторонам было уже неловко, а шут не торопился заводить разговор. Он ждал, когда соберутся все, но дети об этом не подумали.

Минут через десять в вагон вошел Мат. Сначала он на секунду остановился, но лишь на секунду в его глазах мелькнуло удивление.

– Здесь по утрам маскарад, что ли? – равнодушно спросил он и сел на свободный стул. – Блинчики! Круто!

Подростки смотрели на него, как на спасителя. Наконец-то, помещение ожило и в нем стали раздаваться звуки. До этого момента никто из них даже не знал, что кушать можно настолько тихо. Франциск наклонил голову в знак приветствия, но не больше. Ему требовалось время, чтобы составить свое мнение об этих детях, поэтому пока он просто смотрел.

Подростки, само собой, не испугались раскрашенного шута. Они просто очень удивились. Всем, кроме Франциска, хотелось побыстрее закончить приём пищи и уйти, и желательно туда, где нет такого странного персонажа. Хотя вот Мату было вроде как все равно. Он с наслаждением поглощал то блины, то оладьи, ловко макая их в разное варенье.

Франциска разочаровало скромное поведение детей. Именно по этому, он решил обойтись пока без своих привычных шуточек. Просто наблюдать было сейчас гораздо интереснее. За все время, проведенное в этом проклятом поезде, шут повидал великое множество детей, и каждое поколение было наглее предыдущего. А, вот эти, чего-то молчали.

Подросткам было не комфортно. Это было не совсем нормально для них и они не могли подобрать нужную модель поведения для себя. Люси молча жевала и старалась не отрывать взгляд от еды. Соня изображала безразличный вид. Шах пытался делать то же самое. Эрнест поглядывал на Францис-

ка, но как-то не смело, с осторожностью. Лишь одному Мату было на самом деле все равно. Даже если бы за столом оказался кенгуру, он бы просто посмотрел и забыл.

– Вот теперь, когда все в сборе, давайте начнем знакомиться. Меня зовут Франциск и я буду вашим гидом в этом изумительном путешествии, – сказал шут и внимательно оглядел всех сидящих за столом. – Ваши имена и почти имена я уже знаю, так что нет смысла в перекличке. Теперь, если вопросов нет, и все уже наелись, мы можем продолжить экскурсию по поезду.

Франциск заметил некоторое смущение, возникшие у Шаха, когда тот услышал тонкий намёк по поводу их имен. И, некоторую злость у Мата, на тоже высказывание. Франциск ничего не делал просто так и такое выражение он употребил нарочно.

– И куда отправимся? – спросил Мат, подавляя в голосе нотки раздражения. С этой минуты шут перестал быть ему безразличен. Теперь он просто ему не нравился.

– А, куда бы ты хотел? – спросил Франциск, поменяв позу на стуле. Он завёл обе руки за голову, закинул ногу на ногу и прищурился.

– В Африку! Посидеть среди львиного прайда и помечтать, – ответил Мат.

– Хорошо, – сказал Франциск, как будто эта просьба была совершенно обыкновенной. – У кого еще, какие желания?

Дети приняли быстрое согласие Франциска за шутку. От-

куда здесь возьмется Африка? Да и откуда возьмется львиный прайд? Видимо, у этого шута слишком бурная фантазия или просто бесподобное чувство юмора.

– А, что, можно вот так загадывать желания? – спросил Эрнест. – Вот про Африку-то, понятно, что чепуха, а вот если более реальное желание. Я, например, хотел бы оставить себе....

– Ту прекрасную колоду карт, которую ты нашел вчера в своем купе, – закончил за него Франциск. – Она настолько необычная, что ты, как истинный коллекционер, хотел бы быть её единственным владельцем.

Другие дети ничего не понимали в их разговоре, и о каких картах шла речь, тоже не знали. Эрнест от удивления приоткрыл рот, но ради такого приобретения, посчитал лучшим вариантом продолжить разговор.

– Так я могу её взять или нет?

– Нет. Вещи из поезда выносить нельзя, – ответил Франциск. – Любуйся колодой здесь.

– Жаль. А можно её купить? – спросил тогда Эрнест, не желавший сдаваться.

– Нет. Вещи из поезда выносить нельзя, – снова ответил Франциск, но в этот раз более резко.

– Ясно, – сказал Эрнест, которому стало неловко от грубого тона шута.

– Мы, случайно, мимо океана проезжать не будем? – спросила Соня первое, что пришло ей в голову.

– Ты хочешь увидеть океан? Сверху или изнутри? – спросил Франциск.

– Да мне хоть как! – ответила Соня. – Я море то никогда не видела, а уж на океан буду рада и из окошка поглядеть.

– Отлично! – воскликнул шут, чем слегка напугал детей. – Вот, у нас уже есть второе желание. А, что остальные? Неужели вам, в вашем цветущем возрасте ничего не хочется?

– Желать нужно с умом, – осторожно, в полголоса сказала Люси. – По-крайней мере так всегда говорит моя бабушка.

– Она у тебя очень мудрая женщина, – с улыбкой сказал Франциск. – Жаль только, что вы, дети, никогда не учитесь у мудрых людей. Вас, отчего-то больше заботит мнение какого-нибудь болвана из соседнего двора. Если бы всё было наоборот, то в вашем мире было бы гораздо больше счастливых людей и на много меньше идиотов.

– Наверно, вы правы, – сказал Шах.

– Не наверно, а точно, – командным голосом ответил Франциск. – Только вы понимаете это поздно, а иногда, слишком поздно. Вы упрямые и бестолковые, а это очень страшная смесь. Поверьте мне на слово – даже самые умные из вас, все равно глупые.

– По-моему, я уже насытился, – вдруг сказал Мат и встал из-за стола. – И блинами и оскорблениями. Я, пожалуй, пойду к себе. Шах, ты со мной?

– Невежливо, как-то, – ответил Шах и мельком посмотрел

на брата.

– И тут мы сразу понимаем, кому в семье досталась вся культура, – комично сказал Франциск. – А, как же твое желание? Я привык выполнять то, что обещаю. Ну, что, идём навстречу мечте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.